

МАЛЕКСАНДРА
МАРИНИНА

ОТДАЛЕННЫЕ
ПОСЛЕДСТВИЯ

Том 1

Каменская

Александра Маринина

Отдаленные последствия. Том 1

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Маринина А.

Отдаленные последствия. Том 1 / А. Маринина — «Эксмо»,
2021 — (Каменская)

ISBN 978-5-04-156789-7

Вы когда-нибудь слышали о термине «рикошетные жертвы»? Нет, это вовсе не те, в кого срикошетила пуля. Так называют ближайшее окружение пострадавшего. Членов семей погибших, мужей изнасилованных женщин, родителей попавших под машину детей... Тех, кто часто страдает почти так же, как и сама жертва трагедии... В Москве объявился серийный убийца. С чудовищной силой неизвестный сворачивает шейные позвонки одиноким прохожим и оставляет на их телах короткие записки: «Моему Учителю». Что хочет сказать он миру своими посланиями? Это лютый маньяк, одержимый безумной идеей? Или члены кровавой секты совершают ритуальные жертвоприношения? А может, обычные заказные убийства, хитро замаскированные под выходки сумасшедшего? Найти ответы предстоит лучшим сотрудникам «убойного отдела» МУРа – Зарубину, Сташису и Дзюбе. Начальство давит, дело засекречено, времени на раскрытие почти нет, и если бы не помощь легендарной Анастасии Каменской... Впрочем, зацепка у следствия появилась: все убитые когда-то совершили грубые ДТП с человеческими жертвами, но так и не понесли заслуженного наказания. Не зря же говорят, что у каждого поступка в жизни всегда бывают последствия. Возможно, смерть лихачей – одно из них?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-156789-7

© Маринина А., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

Матвей	7
Каменская	11
Зарубин	16
Сташис	19
Инга. За год до событий	21
Каменская	30
Матвей	35
Инга. За полгода до событий	38
Аппаратные игры	45
Сташис	46
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Александра Маринина

Отдаленные последствия. Том 1

© Алексеева М.А., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Матвей

Часы показывали без двадцати пять. Ну, если по правилам, то шестнадцать часов сорок две минуты. Карга ждет его к пяти, к семнадцати то есть, а до ее дома осталось максимум полторы минуты самым неспешным шагом. Погодка та еще, январь в самом сыром бесснежном, зато ветреном варианте, от прогулки никакой радости, но и приходиться раньше времени неохота. Точность – вежливость королей. Мама всегда говорила: давать людям нужно то, что у тебя есть; денег нет на подарок – своими руками сделай, стишок сочини, картинку нарисуй; совсем ничего не умеешь – подари свое уважение. Правда, про связь между уважением к людям и умением обращаться со временем Матвей понял не сразу, мал еще был, когда мама впервые это сказала, но потом, по мере взросления, дотумкал, конечно. Хорошая у него мама, умная, хотя считается почему-то, что если продавщица в супермаркете, значит, отстой. Если честно, то Матвей и сам до определенного возраста так думал и даже немножко стеснялся отвечать, когда спрашивали, кто у него родители. Отец таксует, мама за прилавком стоит. Сейчас, когда ему уже двадцать три, то и дело душу окатывает стыдом за те подростковые глупости. Нельзя ни стыдиться людей, ни гордиться ими, их можно только любить и уважать или не любить и не уважать, без вариантов. Если человек чего-то достиг, то это его собственная заслуга, а никак не твоя, и он, может, и имеет право чем-то там гордиться, а ты при чем? Достиг человек, добился, сумел, преодолел – умей порадоваться за него, поздравь. Сделал он гадость – пусть ему самому будет совестно, а ты можешь только посожалеть, что человек морально опустился. Вот старую каргу Матвей не любит, бесит она его, но – уважает, с этим не поспоришь. Кстати, с каргой его отец и свел, он же не просто таксист, он – водитель такси VIP-класса, на работе в костюме и при галстукке, сорочки всегда свежие и наглаженные, ботинки сверкают. Дресскод, понимать надо. Старую каргу отец как-то вез в аэропорт, путь неблизкий, разговорились, Светлана Валентиновна посетовала, что с интернетом у нее дома постоянные проблемы, говорят, нужно менять провайдера и ставить более продвинутый роутер, а ей это сложно, вот отец и предложил, мол, если хотите, я вам своего сына пришлю. Светлана Валентиновна это карга и есть, если кто не понял.

Интернет Матвей ей наладил, само собой, уж он-то отлично сечет фишку: в каком районе Москвы у какого провайдера оборудование надежнее. Настроил роутер, усилители купил и по квартире распределил так, чтобы до всех углов и закоулков вайфай доставал.

– Я уже старенькая, – сказала ему в тот раз Карга Валентиновна, – здоровье частенько подводит, иногда по нескольку дней лежу или в постели, или на диване, не встаю, а мне работать нужно.

Работать! Это кем же таким она, интересно знать, работает, что ей прям круглые сутки и из любой позиции нужен доступ в интернет? Небось сериалы свои старушечьи смотрит целыми днями да светские сплетни читает. Когда Матвей был совсем маленьким, с ними жила отцова бабушка, Матвею, стало быть, прабабкой приходилась, так она как включала с утра телик – так до вечера и не выключала, все подряд смотрела: и новости, и мультики, и политику всякую, и кино, концерты, в общем, что показывали – то и смотрела.

Подозрения подтвердились, когда Карга попросила его навести порядок на ее компьютерном рабочем столе и вывести на экран иконки сайтов двух десятков телеканалов и десятка радиостанций. И это при том, что в квартире у нее три телевизора, он своими глазами видел: в гостиной, в спальне и на кухне. Обсмотришься, хоть в постели, хоть на диване, хоть за чаем с плюшками. Видя его насмешливое недоумение, Карга пояснила:

– Я не смотрю телевизор, у меня на это нет времени.

– А как же тогда...

– Я работаю, – женщина тонко улыбнулась, отчего ее испещренное глубокими морщинами лицо стало похоже на смятую бумажку. – Я не смотрю то, что показывают, я это изучаю. Разница понятна?

Матвей кивнул, хотя на самом деле не очень понимал. Но выглядеть дураком в глазах старухи не хотелось. По его мнению, в телевизоре показывали откровенный бред, перемежавшийся лажей и глупостями. Как можно это изучать? Для чего? Он решил, что старуха или прикидывается умной, или прикальвается, а может, у нее крыша съехала, лет-то до фига...

Когда уходил в тот самый первый раз, Светлана Валентиновна протянула ему деньги – хорошие, достойные, он и не рассчитывал, что его услуга будет оценена столь высоко, уверен был, что просто делает одолжение, бесплатное, ведь мама всегда учила, что старикам нужно обязательно помогать, даже если выходит в ущерб себе. Матвей деньги брать не хотел, но Карга настояла:

– Мне еще не раз понадобится твоя помощь, а если не будешь брать деньги – не стану к тебе обращаться.

Ну, раз так, то взял, конечно. Деньги лишними не бывают.

Шестнадцать пятьдесят три... В телефоне не поковыряешься, ветер холодный, снимешь перчатки – руки мгновенно заледенеют. Осталось семь минут. Что такое семь минут для нормального человека? Да тьфу! Но не для Светланы. У нее вся жизнь чуть ли не по минутам расписана, как она сама говорит, «плотно упакована». Может, старуха сейчас как раз переодевается, она все делает очень медленно, думает, что у нее еще семь минут есть в запасе, а тут он явится, здравствуйте, открывайте мне дверь со снятыми штанами. Ладно, подождет еще, пройдетесь до угла и назад. Старуха ценит его пунктуальность, всегда хвалит, говорит, что по Матвею можно часы сверять, и почему-то от ее похвал у него делается теплее на сердце.

Вот уже почти три года он регулярно ездит к Карге Валентиновне, помогает таблицы составлять, списки какие-то бесконечные, графики и диаграммы рисовать.

– Давайте я вас научу, это же просто, – предложил он как-то. – Не будете от меня зависеть.

Если она не будет от него зависеть, то и заработка от старухи ему не видать, Матвей это понимал, но он любил, чтобы все было по-честному. Так мама с отцом воспитали. Он ни минуты не сомневался, что для Светланы Валентиновны освоить работу с нужными программами – раз плюнуть, у нее мозги пашут – дай бог каждому, недаром же столько регалий у нее, и научных трудов, ею написанных, целая полка.

– Мой юный друг, – ответила тогда Карга, – я уже в том возрасте, когда любое обучение протекает крайне медленно, а времени у меня впереди очень и очень мало, и я не могу позволить себе тратить его на все подряд. Есть вещи, которые никто, кроме меня самой, не сделает, но во всем остальном я предпочитаю прибегать к посторонней помощи в целях экономии жалких остатков дней, которые мне осталось прожить.

Матвею при этих словах стало отчего-то грустно. Конечно, Светлана уже ветхая совсем, ей восемьдесят с большим гаком, и понятно, что в любой момент... Но жалко ужасно. И дело вовсе не в деньгах, которые она щедро платит за помощь. С ней интересно, она всегда сначала объясняет, какую таблицу или диаграмму они будут делать, а потом рассказывает и показывает: что получилось и к каким выводам привело. Ум у Карги Валентиновны цепкий, острый, слушать ее пояснения – одно удовольствие, и в какой-то момент Матвей поймал себя на том, что не только получает новые знания, но и непроизвольно транслирует их вовне, когда общается со своей тусовкой. Народ был в шоке, услышав от него кстати вставленную реплику о чередовании запроса на свободу, запроса на стабильность и запроса на справедливость. Больше всего Матвею нравилось, когда Светлана Валентиновна занималась статистикой дорожно-транспортных происшествий: ему как мужчине это было и понятно, и любопытно, а старушка-профессор не только цифрами сыпала, но и конкретные истории рассказывала, да такие порой, что у него в горле першить начинало и глаза подозрительно почесывались.

Но бесила его Светлана до умопомрачения. Она все записывала. Вот прям все-все, даже кто когда и с какой целью ей позвонил, не говоря уж о подготовке к походам в магазины. Походу обычно предшествовала ревизия холодильника и кухонных шкафов: Карга смотрела и диктовала, Матвей послушно записывал. Потом Светлана Валентиновна садилась за стол и начинала составлять список покупок, сверяясь с результатами инвентаризации:

- Рис, – произносила она, закрыв глаза и делаясь похожей на спящую черепаху.
- Полпачки, – отвечал Матвей, глядя в записи.
- Пропускаем. Гречка.
- В пачке на доньшке.
- Записывай две пачки. Макароны.
- Вообще нет.
- Пиши: две упаковки. Йогурт.
- Один.
- Пиши: три, если сроки подходят, и шесть, если срок приличный.

Она всегда точно знала, какие продукты и сколько ей нужно на неделю, на две, на месяц, отвечала сразу, без подсчетов и раздумий. И вообще каждую минуточку берегла как зеницу ока.

– У меня старческий тремор, я уже не могу записывать от руки так же быстро, как в молодости, – объяснила она Матвею. – Если я одна, то приходится управляться самостоятельно, но когда рядом кто-то есть – стараюсь пользоваться помощью. Время – это единственное, что имеет смысл экономить. Деньги можно заработать или получить, в наследство например, здоровье можно поправить при помощи медицины, и только время абсолютно неумолимо, мы над ним не властны, потратим впустую – другого уже не выдадут, и не одолжить его, и не украсть, и не купить.

Первое время Матвей удивлялся и задавался вопросом: как же Светлана справляется в другие дни, когда его нет? Со временем узнал, что к ней часто приходят какие-то люди, которых она коротко и невнятно называла «моими учениками». Наверное, студенты или аспиранты. Тоже, небось, сидят на кухне и продукты помогают переписывать. А вот в магазин за этими самыми продуктами старуха ходит сама. Списком вооружится – и вперед. Самостоятельная, блин.

Страх что-нибудь забыть превратился у Карги Валентиновны в манию, и вся ее довольно просторная квартира была завалена толстыми ежедневниками, блокнотами в твердых переплетках, а все более или менее пригодные поверхности оклеены разноцветными квадратиками с напоминаниями.

Светлана Валентиновна Стеклова до сих пор руководила кафедрой в университете, имела две докторские ученые степени – по криминологии и по социальной психологии, причем не по совокупности работ или научному докладу, а написала две полноценные диссертации, если считать вместе с кандидатской – то три. Ее преданность научным исследованиям и трудолюбие вызвали уважение; критичность и язвительность по отношению к себе восхищали Матвея; а вот вечный бардак в блокнотах, бумагах, бумажках и бумажонках – раздражал, порой до бешенства. И еще Матвея бесили бесконечные чаепития с тщательной сервировкой стола. Карга церемонно разливала собственноручно заваренный чай из красивого фарфорового чайничка в изящные фарфоровые чашечки, ставила на стол не только сахарницу, но и молочник, в который наливала сливки, и сухарницу, наполненную печеньем и всяким другим вкусеньким. В принципе Матвей не имел ничего против красоты стола, но ведь так долго все получается! Он-то отлично обошелся бы бумажным пакетиком, кипятком и обычной офисной кружкой, и сахар имеет ровно тот же вкус, если брать кубики прямо из коробки. Не поймешь эту Каргу, честное слово! То помогай ей записывать, потому что времени жалко, то тратит это самое время на церемониальные глупости с чаем, занимающие в общей сложности около полу-

часа, когда можно было бы обойтись тремя минутами. Матвей привык иметь дело с компьютерами, и любая непоследовательность и нелогичность ставила его в тупик и заставляла злиться. Однажды он, не выдержав созерцания того, как Светлана Валентиновна священнодействует над сервировкой, предложил:

– Давайте я помогу.

– Ни за что, – отрезала Карга, и ему показалось, что она даже рассердилась. – Я сама.

– А как же время, которое вы так старательно экономите? – поддел ее Матвей. – Я в сто раз быстрее управлюсь.

Она не ответила, продолжая мелкими шажками передвигаться по кухне, и чашка в ее дрожащей морщинистой руке, покрытой пигментными пятнами, противно дребезжала на блюдечке, а светлая поверхность рабочего стола пестрела темными точками чайнок, просыпанных мимо заварочного чайника. Вот поди пойми этих старух!

Шестнадцать пятьдесят восемь... Пора двигаться, еще двадцать метров до арки, потом во двор, и в домофон Матвей позвонит ровно в семнадцать ноль-ноль.

У подъезда стояла белая машина «Скорой помощи» и еще одна, при виде которой у Матвея болезненно екнуло сердце. Знал он эти машины, доводилось сталкиваться, когда прабабушка умерла, и потом еще пару раз случалось. И ведь знал, все это время знал, что Светлана Валентиновна старая и больная, а все равно в первый момент подумал, что беда у кого-то из ее соседей, не у нее, не с ней.

Дверь подъезда открылась – он даже прикоснуться к домофону не успел. Крепкие мужички вынесли носилки с телом, упакованным в мешок, за ними – врач и фельдшер со «Скорой», в синей униформе, следом вышли еще двое, молодые, по виду – на несколько лет старше самого Матвея. Одного из них Матвей узнал, встретил как-то у Светланы; они с Каргой очередные графики рисовали, а этот, с усами и аккуратной бородкой, какую-то папку принес и сразу ушел, даже раздеваться не стал. Бородатый глянул на Матвея, вроде и не узнал, потом остановился.

– Ты Матвей?

– Ага.

– Видишь как... – он беспомощно развел руками.

– Как?! Ну как?!

Матвей почти кричал, с трудом подавляя желание схватить бородатого за воротник куртки и тут же придушить. Господи, как будто этот тип в чем-то виноват...

Ну как же так?! Почему?! От отчаяния Матвею хотелось расплакаться. Ведь только сегодня утром, часов в одиннадцать, Карга позвонила ему, пожаловалась, что ноутбук все время зависает и невозможно ничего загрузить, а она приболела, плохо себя чувствует, за стационарным компьютером сидеть не может, второй день лежит, и без ноутбука ей никак нельзя. Матвей вызвался приехать сразу же, но она сказала, что сейчас не надо, в час придут ее ученики, освободится она часам к четырем, поэтому договорились на пять, чтоб уж наверняка. Ученики, бородатый и тот, второй, пришли, а через полчаса в панике начали вызывать «Скорую». Врачи очень старались, но помочь не смогли. И вот все закончилось.

Так быстро все случилось – Матвей даже попрощаться не успел со Светланой. Неужели она и на своей смерти время сэкономила? Вот ведь...

Каменская

Бурный финал, мощные повторяющиеся оркестровые аккорды.

– Как видим, ничем хорошим эта романтическая история не кончилась, – произнесла с улыбкой Анастасия Каменская. – Какие у вас будут варианты?

Учащиеся детской музыкальной школы сидели за столами, составленными в виде буквы П, а Настя находилась в пространстве между ножками этой буквы, которое она про себя называла «патио», внутренним двориком. Ну а что? Похоже, просто один в один. Шестой класс, урок музыкальной литературы. Штатный преподаватель сидит здесь же, у рояля, наблюдает, чтобы педагог-волонтер учила подростков правильно. Тому, чему нужно. Ну и вообще...

Первой подняла руку хорошенькая девочка в модных очках. Если Настя правильно помнит, класс виолончели.

– Он ее убил, да?

– А может, не он ее, а она его, – тут же возмутился паренек-пианист.

Этот мальчик на занятиях у Насти был самым активным и, как ей показалось, лучше и быстрее других улавливал смысл того, что она пыталась им показать. Может, он и не станет великим исполнителем, концертирующим по всему миру, но с аналитическим мышлением у него совершенно точно полный порядок.

– Она со скалы в море бросилась, – подала голос другая девочка, тоже пианистка.

– Или он, а не она, – не уступал паренек. – Почему у вас вечно получается, что если она, то обязательно жертва, а он всегда негодяй? Разве наоборот не бывает?

Штатный преподаватель по имени Лариса Петровна, пожилая седая дама, с трудом подавила смех.

– Других версий нет? – спросила Настя, стараясь сохранять серьезную мину. – Тогда давайте разбираться, кто у нас все-таки умер в финале.

– А как? – спросили ученики почти хором.

– Будем смотреть, кто из двоих сильнее, кто слабее, кто мягкий, а кто агрессивный. Помните то место, где наши герои выясняют отношения?

Судя по выражениям лиц, не больше половины будущих музыкантов понимали, о чем идет речь.

– Вадик Малков, – послышался голос Ларисы Петровны, – говори, я же вижу, что ты помнишь.

Вадик Малков, тот самый толковый мальчик-пианист. У Ларисы Петровны он тоже ходит в отличниках. И даже, наверное, в любимчиках.

Фортепианный концерт Сен-Санса слушали с компьютера, к которому подключены хорошие динамики, но у каждого ведь есть свой телефон или айпад. Вадик быстро нашел в «Ютубе» нужное произведение и после нескольких неудачных попыток отыскал то место в третьей части концерта, которое, по его мнению, походило на диалог, именуемый выяснением отношений.

– Это?

– Совершенно верно, – кивнула Настя. – Итак, мы тебя слушаем. Какие есть идеи?

– Пусть дети еще раз послушают, – вмешалась Лариса Петровна. – Не у всех такая хорошая музыкальная память, как у Малкова.

– Конечно.

Настя включила фрагмент концерта на компьютере. На лице способного мальчика Вадика в первый момент промелькнуло торжество, почти сразу же сменившееся растерянностью: его трактовка не выдерживала никакой критики.

– Нижняя партия сердится, а верхняя оправдывается, – раздался чей-то голос.

– Не, не оправдывается, а успокаивает...

– Да, точняк!

– Или нижняя угрожает и требует, и верхняя просит сжалиться!

– Нижняя точно дядька, здоровенный такой, с басом! Бычок-качок.

Ребята вдруг заговорили наперебой, и Настя поняла, что цель достигнута: каждый из них отчетливо представил, о чем шла речь.

– Ага, здоровенный и злой, он рассердился и грохнул свою возлюбленную!

– А может, он не ее грохнул, а себя, – продолжал сопротивляться Вадик Малков.

Кажется, ему очень хочется сделать из мужчины жертву...

Лариса Петровна выразительно поднесла к глазам руку с часами и посмотрела на Настю.

Время урока истекало, пора закругляться.

– Вы пустите меня еще раз в эту группу? – тихо спросила Настя у преподавателя.

– С удовольствием, – улыбнулась Лариса Петровна.

– Значит, я могу дать им домашнее задание?

– Разумеется.

Настя снова вышла во «внутренний дворик» и подняла руку.

– На сегодня мы закончили. Если вам интересно то, чем мы сегодня занимались, то попрошу вас дома еще раз внимательно послушать концерт и подумать, что же все-таки случилось в финале. Юноша убил свою любимую девушку? Или покончил с собой? Или произошло нечто совсем иное?

– И творческую биографию Сен-Санса выучите как следует, – громко добавила Лариса Петровна. – Буду спрашивать. По Франции девятнадцатого века в следующий раз будет последний урок, потом начинаем немецких романтиков, перечень обязательных к прослушиванию произведений посмотрите в методичке.

Юные музыканты мгновенно превратились в самых обычных школяров, радующихся окончанию урока и с шумом и смехом вываливающихся из класса. Настя тоже собралась уходить, но Лариса Петровна ее остановила.

– Анастасия Павловна, задержитесь на пару минут, – произнесла она неожиданно сухим тоном.

Так, понятно. Настя что-то сделала неправильно, и сейчас ее попросят больше не приходить в музыкальную школу. Конечно, не катастрофа, занятия она ведет бесплатно, без всякого договора, всего лишь с милостивого разрешения учебной части, так что заработка не потеряет, но очень неудобно перед Зоей Печерниковой, когда-то учившейся в этой школе, и ее другом-аккомпаниатором, который работает здесь штатным концертмейстером. Они оба так уговаривали сначала Настю, потом руководство школы...

– Вы провели блестящий урок, – начала Лариса Петровна. Говорила она строго, но, как показалось Насте, уже чуть мягче. – Но на вашем месте я была бы осмотрительнее.

– Осмотрительнее в чем?

– В формулировании домашнего задания.

– А что с ним не так? Слишком объемно? Слишком сложно? Или что?

Лариса Петровна с досадой махнула рукой и аккуратно закрыла крышку рояля.

– Это дети, Анастасия Павловна. Ну как же вы не понимаете? Они еще так мало знают, и в особенности о смерти, убийстве, суициде. Вам с высоты вашего жизненного опыта и, простите, вашей прошлой работы кажется, что можно послушать и сразу во всем разобраться. Но им-то! Они полезут в интернет и начнут читать и смотреть всякие ужасы про трупы, про убитых, про самоубийц. И знаете, что будет потом?

Настя пожала плечами. Откуда ей знать? Она впервые в жизни ведет занятия с подростками.

– А потом их родители прибегут к нашему директору с вытаращенными глазами и будут грозить судом за то, что мы заставляем их деток изучать в интернете материалы, не предна-

значенные для нежного возраста, вот что будет! Еще и журналистов подключат, а то и сразу с полицией явятся.

– Неужели все так ужасно? – удивилась Настя. – Конечно, я в курсе про маркировки «двенадцать плюс», «четырнадцать плюс» и все такое, но мы же здесь говорим об искусстве, о музыке... Детям ведь не запрещают смотреть «Лебединое озеро», а там в финале самое настоящее убийство, Зигфрид убивает Ротбарта, и ничего.

Лариса Петровна вздохнула и мягко улыбнулась Настиному непониманию.

– Я в полной мере разделяю вашу позицию, Анастасия Павловна, дорогая, но не забывайте, что школа, любая школа, имеет дело не только с детьми, но и с их родителями. Воспитывать детей – величайший труд, на который способен далеко не каждый родитель, а иметь такого ребенка, который отвечал бы твоим мечтам и чаяниям, хотят все без исключения. Поэтому, как только с дитятком что-то не так, – сразу начинают искать виноватого. И первыми на очереди стоят школа, учителя, педагоги. Себя никто винить не хочет. Добрая половина родителей, если не больше, следит за тем, что ребенок ищет, смотрит и читает в интернете. И через плечо заглядывают, и историю поисков просматривают. Увидят, что подросток заинтересовался убийствами и суицидами, – сразу в панику: «Почему?! Зачем?!» Подросток честно ответит, что в музыкалке задали. И очень повезет нам с вами, если родитель попытается хотя бы вникнуть в суть задания, но надеяться на это не стоит. С вероятностью девяносто девять с половиной процентов нам всем будут грозить неприятности с полицией, прокуратурой, судами и Роспотребнадзором.

– Я поняла, – виновато пробормотала Настя. – Извините, Лариса Петровна, я об этом не подумала. Моя ошибка. Впредь буду осторожнее, обещаю. Если меня вообще не попросят отсюда после сегодняшнего.

Лариса Петровна в утешительном жесте накрыла Настину руку сухой сильной ладонью.

– Если что – буду вас защищать, как сумею.

– Да что я? – в Настином голосе зазвучало отчаяние. – Пришла и ушла. А вот перед Анатолием Марковичем неудобно, он за меня ходатайствовал, на него все шишки посыплются. И Зою я подвела, выходит, и его.

– Ну, пока еще не подвели, а только, может быть, подведете, – заметила преподаватель музлитературы. – Может быть! Но может и не быть. Во всяком случае, я вас предупредила, и теперь вы станете аккуратнее. Ведь станете?

– Стану, – твердо пообещала Настя.

– А за Зоеньку не волнуйтесь, с нее такого рода неприятности – как с гуся вода, она и в детстве такой была, я ведь ее хорошо помню, – Лариса Петровна тепло и широко улыбнулась. – Очень трудолюбивая девочка с неплохой техникой, но совершенно не умела выражать или передавать чувства. На исполнительской карьере это сразу ставит жирный крест, зато в обычной жизни очень выручает. Ее ругают – а она стоит столбом, ни страха, ни обиды, ни раскаяния – ничего. Такую девочку даже бранить неинтересно, все сразу остывали и умолкали. Подозреваю, что внутри у нее бушевали ураганы, но наружу ни капли не просачивалось. Она и сейчас такая? Не изменилась?

– Совершенно не изменилась, – кивнула Настя. – Молчаливая и закрытая.

Эх, ей бы самой стать такой, как Зоя Печерникова! Чтобы «плюнь в глаза – Божья роса». Невозмутимой. Не делающей трагедии из критического замечания. Но нет, не сложилось.

Настя вышла из школы, села в машину, но, прежде чем ехать, позвонила Зое.

– Не переживайте, – спокойно ответила Печерникова. – Даже если все будет, как Лариса предрекает, это не катастрофа. Маркович и не такое пережил, он еще при советской власти за диссидентство пострадал. А обо мне вообще речи нет.

– Ну как же нет, Зоя? Вы обо мне рассказали Анатолию Марковичу, и если у него из-за меня будут проблемы, то...

– Выбросьте из головы, – коротко и решительно произнесла Зоя. – Я с Марковичем играю со школьных лет, он еще в те годы был единственным, кто мог долго выносить мою игру на скрипке и не беситься. Он мой друг и останется им, что бы ни случилось.

– Мне так неловко... Простите меня.

– Выбросьте из головы, – повторила Зоя.

Насте стало немножко легче, но настроение все равно испортилось. А ведь только сегодня утром все было таким радужным! Стасов отпустил ее на год, на целый длинный прекрасный год, в течение которого Анастасия Каменская собиралась заниматься тем, что ей нравится. Впервые в жизни! Для приработка – читать лекции по судебной статистике, для души – заниматься анализом музыкальных произведений в разных исполнениях. Все складывалось как нельзя лучше: ее, кандидата юридических наук, с удовольствием взяли по трудовому договору вести занятия на курсах повышения квалификации в Правовой академии, а коллега по работе в детективном агентстве, Зоя, рассказала о Настином увлечении своему аккомпаниатору Анатолию Марковичу, который загорелся идеей предложить музыкальной школе, в которой работал, некоторое разнообразие в преподавании. Предстоящий год обещал быть просто чудесным! Восхитительным! И из этого великолепного года прошел всего один месяц, а сколько разных замечательных вещей еще ждет ее впереди!

Одним словом, Настя Каменская была абсолютно счастлива каждый день на протяжении всего последнего месяца. И ей очень хотелось верить, что следующие одиннадцать месяцев окажутся не хуже, а возможно, даже и лучше.

Однако ж вот... «Не имела опыта воспитания собственных детей – нечего было лезть к чужим», – сердито думала Настя. И ведь нельзя сказать, что она в свои пятьдесят девять лет совсем уж оторвана от подросткового мира, во всяком случае, знала о скандалах с сайтами, на которых размещалась информация о разных способах свести счеты с жизнью и которые активно посещали несовершеннолетние. Но разве человек в здравом уме свяжет истории этих скандалов с классической музыкой? То-то и оно. Наверное, ум родителя устроен как-то иначе, а Настя этого не учла, хотя должна была бы, все-таки не первый день на свете живет, много чего повидала. «Ну и фиг с ним, – она внезапно развеселилась. – Ошибки – это тоже опыт, будем его извлекать и становиться мудрее. Выпрут из музыкалки – значит, это совсем не мое. Значит, так и надо».

Она собралась было остановиться у магазина с хорошей кулинарией, чтобы купить готовой еды на два дня, но вовремя одумалась. За лекции по судебной статистике платили куда меньше, чем она зарабатывала в агентстве у Стасова, и Настя еще месяц назад поставила перед собой задачу научиться в целях экономии сносно готовить из дешевых продуктов. Пришла пора отказываться от дорогостоящих привычек. Разница в стоимости между готовыми котлетами и домашними выглядела вроде бы малосущественной, но если позволять себе кулинарию почти каждый день, то за месяц выходило довольно ощутимо. Конечно, когда работаешь с утра до поздней ночи и зачастую в выходные, то время на тот же винегрет выкроить непросто: пока все сварить, особенно свеклу, да пока все остынет, потом резать мелкими кубиками... Вполне простительно при таких раскладах купить готовые порции и не париться. Но теперь-то времени у Насти достаточно, так что не надо жалобных песен.

Проехав мимо кулинарии, она свернула на перекрестке, выбралась на транспортное кольцо и направилась в «Ашан». Чем крупнее гипермаркет и чем дальше он от центра столицы, тем ниже цены. Теперь приходится тратить куда больше времени и на дорогу, и на покупку продуктов, и на готовку, зато выходит дешевле даже с учетом затрат на бензин. Наверное, это и называется «время – деньги». Обратная пропорциональная зависимость.

Войдя в огромный торговый зал, Настя глубоко вдохнула и резко выдохнула, словно избавляясь от неприятного осадка, оставшегося после разговора с Ларисой Петровной. Что у нее сегодня в плане? Давно известно, что вкусным можно сделать любой продукт, если владеть

искусством создания соуса, это основа знаменитой французской кухни. А соус – это травы и приправы, они недороги и расходуются малыми количествами. Из самых дешевых макаронных изделий и круп можно делать множество вкуснейших сытных блюд, если использовать разнообразные соусы, которым Настя Каменская и запланировала посвятить текущую неделю. Она вытщила телефон, просмотрела заметки, которые составила накануне, изучая в интернете огромное количество рецептов, освежила в памяти перечень необходимых продуктов и двинулась в направлении нужных стендов. «И еще шоколадку куплю. С орехами и клюквой», – весело подумала она.

Зарубин

Если рабочий день начинается с вызова к руководству – добра не жди. В этом Сергей Кузьмич Зарубин убедился еще в те давние годы, когда бегал по «земле» простым опером. Сейчас-то он уже давно не рядовой сыщик, а заместитель начальника «убойного» отдела на Петровке, но закономерность все равно подтверждалась из года в год и из раза в раз.

Начальник МУРа генерал Большаков выглядел не то чтобы расстроеным или сердитым, скорее озабоченным, и Зарубин с облегчением подумал: «Значит, не втыкать будет, а всего лишь давать указания. Уже легче».

– У меня, Сергей Кузьмич, для тебя две новости, одна хуже другой. С какой начать? – задумчиво проговорил генерал.

– Давайте с той, которая совсем плохая, – мужественно ответил Зарубин. – Судя по тому, что вы вызвали меня, а не Глазова, хотя он на месте, наши дела – полный швах?

Глазов был начальником отдела и не пользовался любовью ни своих подчиненных, ни генерала, предпочитавшего сложные и деликатные вопросы по возможности решать с его заместителем, которого давно знал и которому безоговорочно доверял.

– Пока швах не полный, – скупно улыбнулся Большаков, – но все к тому идет. Глазов вчера вечером привез запрос на свое личное дело. Утром отправили. Думаю, вопрос проработан давно, так что слишком долго его дело изучать не будут, решение уже принято. Если я прав, то сегодня к концу дня твой начальник напишет рапорт о назначении на должность на новом месте службы, а завтра, самое позднее – послезавтра будет приказ об откомандировании. Глазов, поди, уже вещи собирает, освобождает кабинет.

– Побежали крысы... – вздохнул Зарубин. – Только успели объявить о том, что правительство уходит в отставку, а этот уже подсуетился. И кого приведут на его место? Вы уже знаете? Какого-нибудь козла, которого срочно нужно пристроить? Это и есть плохая новость?

– Плохая новость в том, Сергей Кузьмич, что готовой кандидатуры пока нет, все слишком быстро случилось, и я собираюсь подписать приказ о назначении тебя временно исполняющим обязанности начальника отдела. Официально Глазов, конечно, все еще на должности, но из этого кабинета ты выйдешь уже фактически не замом, а руководителем. Вот теперь можешь плакать, я тебя пойму.

– Константин Георгиевич! – с ужасом воскликнул Зарубин. – Ну за что?

– Потерпи, Сергей Кузьмич, – строго произнес генерал. – Надо. Теперь вторая новость, еще хуже прежней.

– Ну, добивайте уже.

– Ты сводку за сутки смотрел?

– Не успел еще.

– А я успел. Но врать не стану, до сводки руки не дошли бы, если бы мне с самого раннего утра из министерства не позвонили. У одного очень богатого и влиятельного папы, депутата по фамилии Чекчурин, убили сына. Папа – лицо, приближенное к власти, задействовал все свои связи и возможности, чтобы дело поручили самым лучшим оперативникам и следователям. Короче, все как всегда.

– Но это же уровень округа, – удивился Зарубин. – Обычное убийство. С какого перепугу нам подключаться? Этот потерпевший что, известная личность? Звездный певец или актер? Великий ученый?

– Оболтус двадцати восьми лет от роду, прожигал жизнь в клубах и на тусовках, работал в каком-то офисе в одной из компаний, принадлежащих папе. Носителем государственной тайны не являлся, объектом всенародной любви – тоже.

– Тогда я вообще не понимаю...

– Сейчас поймешь. На трупе обнаружена записка: «Моему Учителю». Слово «учитель» написано с прописной буквы.

– Ох ты ж елки! – с отчаянием выдохнул Сергей. – Жертвоприношение, что ли? Сатанисты какие-нибудь? Вот только этого на мою бедную голову сейчас не хватало!

– Может, жертвоприношение, может, посвящение, но разбираться придется вам. При таких раскладах дело с территории полагается забирать.

– А как убили-то?

– Перелом шейных позвонков.

– Ну, это сужает круг подозреваемых. Хоть что-то.

– Надеюсь, – кивнул Константин Георгиевич. – Из министерства пришла команда шума пока не поднимать, чтобы в СМИ не просочилось, не нужно народ пугать. Информация о записке в сводку не попала, ума хватило. Отцу потерпевшего тоже пока не говорили, а то ведь болтать начнет, а подписку о неразглашении с него не возьмешь. Пусть думает, что это его звонки в министерство так подействовали и дело передали нам. С этой минуты ты – начальник, иди команду. И каждый день докладывай мне утром и вечером.

Зарубин обреченно кивнул и встал. Он успел сделать всего два шага в сторону двери, когда генерал окликнул его:

– Сергей Кузьмич! Что ты решил?

Вопрос был не сформулирован, но совершенно понятен, поэтому ответ последовал без промедления:

– Подполковник Сташис и капитан Дзюба. Не возражаете, товарищ генерал?

– Ты – начальник, тебе и решать. Но выбор, безусловно, одобряю.

Еще бы Большой не одобрил! Антоха Сташис и Ромчик Дзюба – его любимчики. Об этом почти никто не знает, но Сергей Кузьмич Зарубин знал. Грош была бы ему цена, если бы он чего-то не знал о своих подчиненных. Ромка женится, в феврале свадьба, надо бы парню денег подкинуть...

– Константин Георгиевич, коль я теперь большой босс, могу я написать представление на материальное поощрение Дзюбы за успешные раскрытия в истекшем году?

– Давай, – кивнул Большаков. – Я подпишу. Только не затягивай, положение сейчас у всех шаткое, с министром ничего не понятно пока, так что меня и каждого, кто повыше, могут свалить в любую минуту.

«Так я и чуял, так я и чуял, так я и чуял», – ритмично бормотал Зарубин себе под нос, возвращаясь из кабинета генерала в отдел. Не заходя в свой кабинет, заглянул к Глазову. Большой предсказал безошибочно: Глазов перекладывал пожитки из сейфа и стола в большие коробки. Лицо его сияло радостным предвкушением: долой старые надоевшие заботы, начинается новое приключение! Сергей поймал себя на мысли, что ему даже не интересно, в какой сфере и на каком уровне состоится это приключение. Не хотелось ни о чем спрашивать этого «пока еще начальника», но доложить он обязан, иначе Глазов, если вдруг разобидится, может и дров наломать. Например, пользуясь своим официальным статусом «пока еще», отменить решение заместителя о поручении работы по новому трупу Сташису и Дзюбе. Через два-три дня, когда состоится приказ, Сергей все равно сделает по-своему, это понятно, но первые сутки всегда решающие, и очень не хотелось бы, чтобы в это время по делу работали другие опера, не такие профессиональные и дотошные, как Антон и Ромка. Все-таки не просто так Большой ценит этих ребят, а сам Зарубин их поддерживает и, если надо, прикрывает.

– Ты б хоть предупредил заранее, что уходишь, – вполне дружелюбно сказал Сергей, кивнув на коробку, в которую Глазов в этот момент складывал снятые со стен дипломы и грамоты в рамочках. – А то генерал вызвал с самого утра – и как гром среди ясного неба, буду теперь исполнять твои обязанности. Временно.

– А вот это зря, – поучительно ответил Глазов. – Не надо было соглашаться. Хотя тебя, наверное, и не спрашивали, они там сами все за всех решают. Валить тебе надо отсюда, откуда варягов не нагнали, бери с меня пример.

– Возьму, – миролюбиво согласился Зарубин. – Ты как, уже сегодня нас покинешь или поруководишь пока денек-другой?

– Нет уж, уволь, Кузьмич, вопрос решен, новый кабинет меня ждет. Приказ – чистая формальность, я им рапорт еще вчера написал.

– Так дело вроде только сегодня утром отправили, – Зарубин не смог скрыть ехидства. – Ты не поторопился?

– Да брось, Кузьмич, все свои, – Глазов небрежно махнул рукой и принялся вынимать из сейфа и аккуратно расставлять между вещами в коробках початые и полные бутылки водки, коньяка и виски.

«Крохобор, – насмешливо подумал Зарубин. – Мог бы и оставить, хотя бы те, которые уже открыты. Мы бы с ребятами выпили вечером по радостному поводу».

– Ну ясно. Дату в рапорте не вчерашнюю поставил, а сегодняшнюю? Вроде как с утречка личное дело изучили и выразили высокое согласие. А тут и ты подъехал, рапорт накатыл – и в приказ. Так? Приказ-то, поди, уже к вечеру и подпишут.

Глазов поморщился, было видно, что ему не очень приятно, но, с другой стороны, мнение заместителя его теперь волновать не должно.

– Не ерничай, Кузьмич, и не стой над душой. Иди начинай руководить коллективом.

– Так на меня приказа пока нет, – хитро улыбнулся Зарубин. – Прав таких не имею, чтоб начальника из себя изображать. Ты уж распорядись, сделай милость, у нас тут труп образовался...

– Сам решай, – огрызнулся Глазов. – Всё. Это больше не моя поляна.

– Как скажешь.

Собственно, что и требовалось получить в итоге. Вполне удовлетворенный результатом разговора, Сергей Кузьмич Зарубин вернулся к себе и вызвал подполковника Сташиса и капитана Дзюбу.

Сташис

– Вот и новогодние подарочки посыпались, – удрученно констатировал Антон Сташис, когда дверь кабинета закрылась за сотрудниками криминальной полиции Юго-Западного окружного управления внутренних дел. Именно на их территории был обнаружен труп двадцативосьмилетнего Леонида Чекчурина.

– Да уж, – согласно кивнул Зарубин и горестно вздохнул. – Мало нам вчерашней отставки правительства, так теперь еще ученики неизвестного Учителя нарисовались до кучи.

Опера на территории сработали четко, хотя чудес не совершили. Труп гражданина Чекчурина обнаружен около двух часов ночи в месте достаточно безлюдном, чтобы при осмотре обойтись без толпы любопытных и – главное – снимающих на телефон. Место оцепили, но кое-какой народец все-таки подвалил, к счастью, весьма немногочисленный. И большая удача, что записку нашел в кармане куртки при осмотре трупа дежурный судмедэксперт, который не стал размахивать находкой и громогласно зачитывать текст, а продолжал методично и вполголоса диктовать результаты осмотра. Следователь, молодой парнишка, тоже никаких бурных эмоций не выразил, но не оттого, что был опытен и предусмотрителен, а просто потому, что ужасно устал: на время новогодних каникул ему ни разу не выпало дежурить, он с чистой совестью полетел с женой на десять дней в горы кататься на лыжах, обратный рейс из-за погодных условий задержали почти на двое суток, которые пришлось провести черт знает как и черт знает в каких условиях, ну а за опоздание на службу, хоть и по уважительной причине, ему и впаляли дежурство сразу же по прибытии, не дав ни помыться с дороги, ни выспаться. Какие уж тут эмоции! Глаза бы удержать открытыми...

Выяснить, о каком таком Учителе может идти речь, придется теперь Сташису и Дзюбе вместе с операми из округа.

– Идеи есть? – спросил Антон.

– Ну, как меня учила Анастасия Павловна, надо применять двоичный метод. Все, что можно, делить на две категории, тогда легче группировать факты и делать выводы, – отозвался Дзюба.

– Ну, применяй. У тебя с фантазией всегда хорошо было. А я уж, так и быть, поработаю твоим секретарем. Ты вещай, я буду записывать.

– Смеяться не будешь? – улыбнулся Роман.

– Да уж не до смеха тут... Давай, излагай.

– Ладно. Первая группа: преступление действительно связано с каким-то Учителем. Вторая группа: преступление совершено по иным мотивам.

– А записка?

– Просто так, для отвода глаз, чтобы запутать следствие. Эту группу тоже делим на две части. Первая: преступник весьма умен, изобретателен и расчетлив. Вторая: он ничего не рассчитывал и особым умом не обладает, действовал от балды. Может, в книжке какой-то прочитал о чем-то похожем или в кино видел. Наличие записки может говорить о том, что убийство совершено не под влиянием внезапно возникшего побуждения, ссоры или оскорбления, ну, ты понимаешь. К преступлению готовились, его обдумывали заранее. Но это «заранее» может оказаться разной величины, от недель и месяцев до получаса. С другой стороны, идея записки могла прийти в голову как загодя, так и вообще уже после убийства. Поэтому первую подгруппу из второй основной группы разделяем на...

Антон не был готов к тому, что рассуждения и деление на группы начнут разветвляться с такой скоростью, поэтому изначально расположил текст так, что рисовать стрелки и вписывать новые вводные оказалось некуда. Досадливо поморщившись, он скомкал листок, бросил его в корзину для мусора и начал заново.

– Ромка, не части, я не успеваю, – пробормотал он, прикидывая, как лучше записать первые две фразы, чтобы потом было удобнее.

Примерно через час стол подполковника Сташиса оказался полностью накрыт разрозненными листками, кое-как скрепленными прозрачным скотчем.

– Н-да... – ошарашенно протянул Антон. – Фантазия у тебя...

– Ты обещал не смеяться, – настороженно напомнил ему Дзюба.

– Да разве ж я смеюсь? Я рыдаю и тихо восхищаюсь. Больше половины того, что ты тут наговорил, мне бы и в голову не пришло, честно. Несвоевременный ты человек, Ромка, поторопился родиться. В нынешние времена твои мозги не сумеют эффективно использовать.

– Может, не поторопился, а, наоборот, опоздал?

– Да это вряд ли, при советской власти тебе бы применения тоже не нашлось. Там неприкасаемых была целая куча и телефонное право цвело пышным цветом, из твоих двадцати версий хорошо если одну разрешили бы отрабатывать.

– Ой, можно подумать, сейчас не так! – фыркнул Роман.

– Это верно, – согласился Сташис. – Сейчас тоже так. Но есть разница. Раньше вопрос можно было замарафетить по-тихому: вообще ни одна душа не узнает, кроме двух-трех самых доверенных. А теперь интернет, скорость распространения информации такая, что в прежние времена и не снилась никому. Желających скрыть информацию или соврать по-прежнему огромное количество, а вот возможностей-то у них сильно поубавилось. Никак они, бедненькие, не привыкнут, что все и о каждом становится известно в мгновение ока. Ладно, нечего попусту рассуждать, иди подбивай концы по делам, а я буду план писать на основании вот этого всего. Большой велел Кузьмичу до обеда представить, а у Кузьмича, сто пудов, замечания будут, еще пару раз переделывать придется.

– Иду, подбиваю.

Роман изобразил послушность приказу, открыл сейф, достал несколько папок, сложил на свой стол. Идти было недалеко, ровно полтора шага. Капитан Дзюба искренне считал, что в его жизни случились три главные удачи. Первая: он встретил Дуняшу. Вторая: судьба столкнула его с Антоном Сташисом, благодаря чему Роман оказался на Петровке, в МУРе. И третья: они с Антоном делят один кабинет на двоих. Эта третья удача казалась, на сторонний взгляд, маленькой и смешной. Только тот, кто служил в уголовном розыске, может по достоинству оценить этот факт, ибо такой человек знает, как много значит возможность доверять тому, кто сидит за соседним столом.

Инга. За год до событий

Участок был в самом конце старой части кладбища, из так называемого бесхоза: если за могилой никто не ухаживает несколько десятков лет, участок считается ничьим, очищается и отдается под новое захоронение. «Я буду ухаживать и приводить все в порядок, пока жива, а что потом? – горестно думала Инга, пробираясь узкими проходами между оградками. – Он никому не нужен, кроме меня, о нем, наверное, и не вспоминает никто. Детей нет, бывшая жена счастлива в новой семье. Пройдут годы, и участок снова станет «бесхозом», и там опять похоронят кого-то другого...»

Эти мысли приходили к ней каждый раз, когда она приезжала сюда. И каждый раз вызвали спазм в горле и накапливающие слезы.

Вот и могильный холмик, сиротливо-убогий среди каменных надгробий, окаймленных чугунными оградками. После похорон прошло несколько месяцев, венки давно убрали, цветы, которые Инга принесла в прошлый раз, неделю назад, завяли, потемнели на морозе и смотрелись некрасивым грязным пятном. Скорей бы памятник сделать... Должен пройти год, чтобы земля осела, раньше ставить нельзя. Да и на какие деньги? Похоронили за счет государства, у них так положено, а больше никто ничего оплачивать не собирается. Считается, что это забота семьи. А если семьи нет, тогда как?

Поставив рюкзак на сколоченную наспех деревянную скамеечку, Инга вытащила пакет для мусора, полуторалитровую пластиковую бутылку с водой, совок, резиновые перчатки и аккуратные чистые тряпочки. Подсобка далеко, за водой ходить долго, проще принести с собой. Если бы памятник или хотя бы простое надгробие – тогда да, воды нужно много, чтобы все помыть и привести в порядок, а здесь-то пока только крест, табличка с именем и датами да фотография. «Игорь Андреевич Выходцев, 14.03.1975–19.08.2018». Фотографию надо бы принести новую, эта, оставшаяся еще с похорон, испорчена осенними дождями и мокрым декабрьским снежком. Инга убрала завядшие цветы в пакет, протерла крест и табличку сначала мокрой тряпкой, потом сухой, прошлась совком вокруг могилы, убирая мусор. Толку, конечно, не много, но все-таки вид попримечнее. Сняла перчатки, сунула их в пакет с мусором, положила на холмик свежий букет, который любовно собирала сегодня утром в цветочном магазине. Собирала сама, продавщице не доверила. В траурных букетах количество цветков должно быть четным, но Инга не хотела ни сочувственных, ни удивленных взглядов, поэтому букет покупала обычный, а потом один цветок просто вынимала и уносила домой. Это превратилось в своеобразный ритуал: прибрать могилку, положить букет, посидеть на скамеечке, поговорить с Игорем, забрать один цветок и уходить.

«Дорогая моя девочка, мне нечего оставить тебе, кроме этих записок. Ты знаешь мои обстоятельства: все накопленные деньги ушли на лечение, на бессмысленные попытки выжить. Когда деньги закончились, а жизнь, к сожалению, еще продолжалась, мне финансово помогала бывшая жена, вернее, ее новый муж. Спасибо им от всей души, они добрые и благородные люди, и я не могу уйти, не расплатившись с ними, поэтому квартиру я оставляю им. Ты, наверное, видела, как ко мне приходил нотариус, но у тебя хватило такта и выдержки не задавать вопросов. Милая моя девочка, ты так самоотверженно ухаживала за мной, ты делала больше, чем была обязана, ты всю душу вкладывала в то, чтобы облегчить мои физические страдания. Наверное, ты даже немножко любила меня, правда? Совсем чуточку. Совсем легонько...»

У меня нет возможности отблагодарить тебя чем-то материальным. Но я могу сделать по крайней мере одну вещь.

Хочу попытаться объяснить тебе, каков я на самом деле. Если ты так много делаешь для меня, значит, я тебе нравлюсь, ты испытываешь ко мне симпатию, ты расположена ко

мне. Наверное, я кажусь тебе добрым человеком, умным и даже мудрым, умеющим прощать и принимать, а ты, насмотревшаяся за свою жизнь на онкологических больных, отлично знаешь, как тяжело бывает людям смириться с неизбежной близкой смертью и как по-разному они себя ведут. Ты сталкивалась и со злостью, и с раздражительностью, и с ненавистью ко всем, кто не болен и собирается жить еще долго без мучений и без боли. Думаю, тебе пришлось видеть и несправедливость по отношению к тебе самой, и оскорбительные поступки, и грубость. Поэтому тебе могло показаться, что я какой-то особенный. Мне жаль разрушать твои иллюзии, но в моей ситуации честность и правда будут лучшим подарком. Сейчас я действительно «добрый, прощающий и принимающий», но еще совсем недавно я таким не был. Глядя на себя тогдашнего, могу сказать совершенно искренне: я был ужасен. Отвратителен. Я был чудовищем, тупым и неуправляемым. Сегодня мне трудно представить, что Игорь Выходцев двух-трехлетней давности – тот же человек, который теперь лежит в постели и готовится проститься с тобой. Словно две разные личности... Чтобы ты мне поверила, мне придется описать путь, который я прошел. Путь мрачный, трудный и горький. Не уверен, что мне хватит сил и времени. Слишком поздно я спохватился, слишком поздно решил на эту исповедь, нужно было раньше начинать, тогда был бы шанс объяснить тебе все в деталях и подробностях, шаг за шагом. Придется торопиться, многое пропускать. Но я надеюсь, что ты сумеешь меня понять. И простить мой невольный обман, ведь я совсем не так хорош, как ты думаешь. Видишь, я уже начал говорить «если бы... тогда бы». Где-то я услышал фразу о том, что жизнь в тюрьме состоит из сослагательного наклонения, которое никогда не превратится в изъявительное. То же самое можно сказать и о жизни онкологического больного в терминальной стадии. Когда я вдруг это осознал, то понял, какую самую главную ошибку мы все совершаем. Знаешь какую? Мы постоянно и по любому поводу думаем, что «так будет всегда». Вернее, не думаем даже, а просто исходим из этого, принимая решения и составляя планы. Мы всегда будем молоды, здоровы и полны сил. Наши близкие всегда будут с нами. Наша работа и наш заработок никуда не денутся. Мы все сможем и все успеем. Мы всегда будем любить тех, кого любим сегодня. И те, кто любит нас сегодня, никогда нас не разлюбят. Ну, и так далее. Нам кажется, что впереди еще куча времени и много возможностей. А потом вдруг что-то случается, и на нас бетонной плитой обрушивается сослагательное наклонение...»

Текст письма Инга давно выучила наизусть. Нет, не специально, конечно, не старалась запомнить, просто читала его бесчисленное количество раз, вот и запомнилось. Конверт лежал в выдвижном ящичке прикроватной тумбы. За несколько дней до конца Игорь сказал ей:

– Когда все случится – открой ящик, там для тебя письмо.

Посмотрел на ее встревоженные и вспыхнувшие любопытством глаза и усмехнулся:

– Не вздумай стащить его раньше времени. Знаю я вас, девчонок. Наберись терпения.

Усмешка сползла с его губ, и он тихо добавил:

– Потерпи. Осталось недолго.

Опытная медсестра, Инга и сама видела, что все произойдет совсем скоро. На следующий день она оформила на работе отпуск за свой счет по семейным обстоятельствам и проводила у Выходцева круглые сутки. Она не могла допустить, чтобы он уходил в одиночестве. Но даже когда больной впадал в забытие, не смела открыть ящик и посмотреть, что в нем. Сидела у постели Игоря, держала за руку, ставила капельницы, делала уколы, помогала дойти до ванной, читала вслух, приносила теплый чай с лимоном, а сама гадала: что может быть в том письме? Признание в любви? Как глупо! Пусть бы сказал словами, она была бы так счастлива, пусть и всего несколько дней! Она-то влюбилась в умирающего почти сразу, как начала приходить сюда, чтобы проводить необходимые процедуры. И с самого начала точно знала, что будущего у ее чувства нет. Никакого.

От воспоминаний Ингу отвлек звук шагов, неровный, шаркающий. «Хромой», – успела подумать она, прежде чем подняла глаза. К ней приближался мужчина лет сорока пяти – пятидесяти, в униформе с надписью «Ритуал», коренастый, широкоплечий, крепкий, но действительно сильно припадающий на правую ногу.

– Доброго здоровья, барышня, – вежливо произнес мужчина, поравнявшись с могилой Игоря.

– Здравствуйте.

– Не откажите в любезности, позвольте присесть буквально на пару минут, – попросил он. – Не дойду до конторы, нужно дух перевести, а посидеть негде, все скамейки за оградками. Ваша – единственная доступная в этой части. Вы уж не обессудьте.

– Конечно, садитесь.

Инга пододвинулась к краю, освобождая место, и внимательно, уже профессиональным взглядом окинула лицо мужчины: бледное, вокруг губ наметилась синюшность, на лбу испарина. Видно, боль такая сильная, что нет сил терпеть. Тут и до сердечного приступа недалеко.

– На сколько баллов оцениваете боль, если по десятибалльной шкале? – спросила она.

– А вы врач, что ли?

– Всего лишь медсестра, – улыбнулась Инга. – Так на сколько?

– На всю десятку.

– Обезболивающее принимаете?

– То, что можно без рецепта купить, уже не помогает. Врач выписал какую-то дрянь с наркотиком, я принял пару раз и больше не стал. Боль снимает на несколько часов, это правда, но голова дурная становится, ватная какая-то, мозги как будто по воде плывут, в памяти ничего не удерживается.

– Понятно. Значит, насухую терпите?

Мужчина пожал плечами:

– А какие варианты? Иногда водочкой боль снимаю, но редко.

– Что ж так? Если помогает, можно бы и почаще.

– Не люблю я это дело.

После минутной паузы мужчина снова заговорил:

– Отец ваш? – Он кивком головы указал на табличку, прибитую к кресту. – Или муж?

– Пациент, – ответила Инга неохотно. – Я за ним ухаживала до самого конца.

– Одинокий? Я вас уже не в первый раз здесь вижу, а кроме вас никто больше и не приходит. И похороны помню, я на них как раз работал. Народу было прилично, человек тридцать, я не ошибаюсь?

– Не ошибаетесь. Это все бывшие сослуживцы, коллеги. Наверное, из чувства долга пришли, а может, их в приказном порядке пригнали, для видимости, дескать, своих не бросаем. Сплошное лицемерие. На самом деле никому он не был нужен. Как слег – так его и не навестил никто.

– Грустно.

Мужчина повернул голову и посмотрел на Ингу в упор.

– Но все рано или поздно проходит, – добавил он негромко. – Поверьте мне. Я знаю, о чем говорю. Спасибо, что позволили присесть и передохнуть.

Он поднялся и тут же скривился от острой боли. Инга смотрела ему вслед и вдруг вскочила:

– Погодите!

Мужчина обернулся:

– Да?

– Хотите, я попробую вам помочь?

– Волшебные таблетки дадите? – в его голосе зазвучали недобрые нотки.

Инга подхватила рюкзак, наклонилась над букетом, вынула один цветок и зашагала к работнику кладбища.

– Волшебных таблеток не бывает, – очень серьезно сказала она. – Бывают только бесполезные, но зато безвредные, и действенные, но опасные. Других вариантов нет. Пойдемте в бытовку или где у вас там гнездо. Мне нужно вас положить.

– Ну, пойдемте, – согласился мужчина. – Я уж теперь на все готов, кроме того, что по мозгам бьет. Вас как зовут, барышня?

– Инга.

– А я – Юрий, можно просто Гариком звать.

Юрий привел ее к одноэтажному аккуратному домику. Место, где рабочие переодевались, принимали душ, отдыхали и трапезничали, выглядело очень цивилизно и опрятно. За столом два здоровенных молодых парня, одетые в такую же униформу, как у Юрия, ели пищу, запивая чаем из высоких офисных кружек. Прикрепленный к стене телевизор работал без звука, показывали какой-то очередной «базар-вокзал», величаво именуемый «политическое ток-шоу».

– Сюда проходите, – Юрий указал на плоскую жесткую лежанку, расположенную у окна. – Мужики, а ну мигом пересели спиной к окну!

Один из парней быстро сунул в рот огромный кусок пиццы и встал.

– Да мы и выйти можем, если че, – доброжелательно, но не очень внятно заявил он.

– Это не обязательно, – торопливо проговорила Инга. – Ничего такого. Я только посмотрю, можно ли что-то сделать с ногой.

– Да ладно, – сально осклабился второй, – все свои пацаны.

Инге отчего-то стало неприятно, что кто-то подумает, будто между ней и этим Юрием может происходить нечто глубоко интимное, да не где-нибудь, а прямо здесь, в бытовке, на кладбище, где похоронен человек, которого она так любит. Она лихорадочно пыталась придумать, что бы такое сказать, чтобы парни не уходили, не оставляли ее наедине с незнакомым, в сущности, мужиком, но ничего предпринять не успела: рабочие похватили куртки и вышли.

– Раздевайтесь и ложитесь на спину, – холодно велела Инга.

Юрий послушно снял спецовку и в нерешительности посмотрел на Ингу.

– Футболку тоже снимайте. Трусы оставьте.

– Да я б их и так не снял, – буркнул тот. – Не хватало еще...

– А говорили, что на все готовы, – поддела его Инга. – Давайте ложитесь.

Она задала ряд обычных вопросов: где болит, как именно болит, с какой периодичностью, куда отдает. Нашла на стопе нужную точку и медленно провела, очень сильно прижимая палец, вверх вдоль голени и бедра. Юрий взвыл, лицо и грудь мгновенно покрылись крупными каплями пота.

– Э, алё, барышня, вы что творите? – выдохнул он.

– Терпите. Будет очень больно, но только сначала.

– Вы б хоть предупредили...

– Если бы я предупредила, вы бы отказались. Дышите животом и как можно глубже, тогда будет легче.

Инга не сомневалась в своих силах, она долго и старательно осваивала премудрости восточной медицины, мастера ее хвалили и называли лучшей ученицей, предлагали практиковать лечение ряда заболеваний, но девушка упорно стояла на своем: ей важно уметь облегчать боль, чтобы уменьшать физические страдания больных, а всем остальным пусть занимаются специально обученные врачи. В обезболивании Инга действительно достигла настоящих высот.

Юрий под ее сильными безжалостными пальцами сперва стонал, потом кряхтел, потом перестал издавать какие-либо звуки и только молча наблюдал за ее точными, отработанными многолетней практикой движениями.

– Всё. Вставайте.

Он послушно встал, прислушался к ощущениям в ноге и улыбнулся.

– А ведь не болит... Чудеса! Это что же получается, вы меня вылечили? Вот так, за один раз?

– Не обольщайтесь. Лечить я не умею, я только снимаю боль. Как таблетка, только без вреда для печени и мозгов.

– Значит, опять заболит?

– Обязательно. Проблема-то никуда не делась, ею нужно заниматься хирургам, ортопедам, неврологам, а не простым медсестрам вроде меня.

– Ну да, – удрученно согласился Юрий, – я понимаю. И на сколько хватит этих ваших...

Он поднял ладони и выразительно пошевелил пальцами.

– Посмотрим. Обычно от четырех часов до суток. Все очень индивидуально, зависит и от заболевания, и от состояния организма, и от особенностей самого человека.

– А потом что? Снова терпеть?

– Или терпеть, или вот это самое, – она подняла ладони и повторила его жест.

Он хмыкнул сдержанно, потом все-таки рассмеялся.

– Сколько я вам должен?

– Я же сама предложила, поэтому бесплатно.

– Спасибо вам, – поблагодарил Юрий, и в голосе его было столько искренности и теплоты, что Инга невольно улыбнулась. – Телефончик не дадите?

– Конечно. – Она потянулась к рюкзаку, достала кошелек, вытащила оттуда визитку и протянула своему неожиданному пациенту. – Обращайтесь, если будет нужно.

Тот повертел в руках простенький белый четырехугольник, на котором было написано только «Инга Гесс. Терапия боли» и номер телефона. Ни названия клиники, ни адреса, ни электронной почты.

– А куда ехать? Где вы принимаете, в какой больнице?

– Нигде. Сама выезжаю к клиентам.

– Во как! – несказанно удивился Юрий. – С такими талантами – и сами выезжаете? Я думал, у вас все по-серьезному, своя клиника или на худой конец кабинет.

Она молча пожала плечами, надела рюкзак, взяла в руки цветов и двинулась к выходу.

– Спасибо, – повторил Юрий ей вслед.

* * *

Дома все было как обычно – как говорится, «традиционный набор блюд». Машка, старшая сестра, капризничает, мама машет над ней крыльями, Машкин муж Валентин ходит с кислой миной. Похоже, сегодня опять был скандал, и на долю Инги останется десерт в виде последствий. Как говорится, сладкое – на треть. Десерт всегда был одинаков: Машке срочно нужны деньги, потому что без новых джинсов или фирменных кроссовок Валечка просто не может показаться на работе, а еще нужно купить подарок другу или подруге, ведь нельзя же являться на день рождения с пустыми руками... И вообще: Машеньке захотелось ананас или салат с авокадо и креветками и бутербродик с черной икрой, и как же можно отказать беременной.

Отказать сестре Инга никак не могла, все-таки она любила Машку, да и беременность – штука серьезная, лишние волнения и слезы ни к чему. А вот дорогого ее супруга Валентина не выносила на дух, но мужественно терпела. Если терпение вдруг заканчивалось, мама каким-то чудом улавливала, что младшая дочь готова сорваться, и тут же кидалась на выручку зятю, грудью прикрывала амбразуру и спасала Машкин долгожданный брак. А уж теперь, когда должен был появиться ребенок, Маша стала для матери центром вселенной.

– Чего режем? – устало спросила Инга. – Опять пособачились?

Оказалось, что Машеньке захотелось гранатового сока, но не из бутылки, как продается в овощной лавке неподалеку (там же консерванты, усилители вкуса и еще бог знает какая дрянь, и вообще его неизвестно в каком подвале изготавливали, в антисанитарных условиях!), а выжатого вручную из свежих плодов. Гранаты в лавке не продавались, и Маше пришлось взять такси и ехать в дорогой продуктовый супермаркет, а там она еще увидела копченого угря и французский паштет из гусиной печени, еще кое-что по мелочи, такое вкусненькое, в результате выложила на кассе приличную сумму. Валентин, вернувшись с работы, завел разговор о подарках к Новому году всем друзьям, вместе с которыми они собрались отмечать праздник где-то за городом на турбазе, полез в телефон посмотреть, сколько точно денег на карте, тут-то и выяснилось, что от семейного бюджета откушен изрядный кусок. А ведь на эти деньги он планировал дотянуть до зарплаты и не только обеспечить им с Машкой приличный вид перед компанией, но и отложить, сколько останется, на новый айфон. Накопить всю сумму на последнюю модель он, конечно, не сможет, придется брать кредит, потому что, пока он будет копить, появится уже следующая, которая будет еще дороже, а разве Валя может себе позволить ходить с айфоном устаревшей модели? Он третий месяц откладывал деньги, чтобы сумма кредита была поменьше. Заодно и новинка, бог даст, чуть подешевеет.

Теперь Валентин гордо сидел на кухне, изображая вселенскую скорбь, Машка с заплаканными глазами жалась к матери, а мать, в свою очередь, умоляюще смотрела на Ингу. Все понятно, десерт сегодня обойдется ей тысяч в десять. С такими темпами и запросами даже квартиру не снимешь, молодая семья дербанит Ингины заработки с завидной ловкостью, и мама им – первый и главный помощник. Маме-то самой ничего не нужно, все ради Машеньки, ради того, чтобы ей с Валечкой хорошо жилось, мирно, без ссор, а то ведь, не дай бог, бросит он ее. Ведь с таким трудом его до ЗАГСа дотащили! Пусть у них все будет, пусть будут счастливы.

Инга молча открыла кошелек, достала деньги, протянула вмиг повеселевшей Машке. Зря она сегодня отказалась брать оплату у Юрия. Говорят, у работников кладбищ доходы немаленькие, не обеднел бы. Неловко, конечно, она ведь и не собиралась заработать на нем, просто пожалела, видя, какими сильными болями он мучается.

Машка сей же момент усвистала на кухню вымаливать прощение у сердитого муженька, а Инга ушла в их с мамой комнату переодеться. Мама тут же возникла у нее за спиной и громко завздыхала. Ясное дело, комнату супругов нужно освободить, они же сейчас мириться будут, ворковать и всякое такое. Квартира маленькая, в одной комнате, поменьше, Инга с матерью, в другой – Машка с мужем. О том, как они будут жить, когда родится ребенок, даже подумать страшно. Сама Инга за последние лет пять дважды прерывала нежеланные случайные беременности, потому что куда ей с малышом при их доходах и при отсутствии мужа, который обеспечивал бы материально? Но с Машкой не так. Ребенок рассматривался не как ценность сама по себе, а как средство привязать и удержать с таким трудом обретенного Валечку. Мать торопила: «Не вздумай предохраняться, нужно забеременеть как можно скорее, если хочешь сохранить семью, второй раз мы такого мужа тебе не найдем».

– Ты могла бы помогать родной сестре не с такой мрачной рожей, – заявила мать, стоя за спиной у Инги, которая вытаскивала из стопки выглаженных футболок свою любимую, голубую с веселым детским рисунком. – Швыряешь ей деньги, как подачку, как будто мы у тебя последнее отнимаем.

Инга молчала. Все это происходило не в первый раз, и слова эти мама повторяла как минимум дважды в неделю. Ничего нового. И реагировать нет сил.

– Мы с тобой должны делать все, чтобы твоя сестра была счастлива и родила здорового ребенка.

– Я делаю, – вяло отозвалась Инга, натягивая футболку.

Футболка почему-то оказалась слишком свободной и выглядела бесформенной. Инга похудела, что ли, за последние две недели? Вроде не с чего, все было как обычно. Ну точно, Машка! В рамках демонстрации хозяйственно-бытового рвения сестра периодически затевала большие стирки, засовывая в машинку без разбору все, что накапливалось в корзине для грязного белья. Навыков сестры хватало только на то, чтобы не стирать черное вместе с белым, о режимах и температуре она думать не привыкла, исходя из представления, что чем быстрее вертится барабан и чем горячее вода, тем лучше отстирается. Инга, бережно относившаяся к одежде, покупавшая ее редко и носившая подолгу, тысячу раз просила не трогать ее вещи: она сама постирает, строго соблюдая указания на бирках. Но у Машки всю жизнь в одно ухо влетает – в другое вылетает. И эту голубую футболку, итальянскую, шелковистую, которую Инга первые несколько лет носила на работу, а теперь ходила в ней дома, сестра ничтоже сумняшеся испортила за один миг. Футболку, которая все эти годы выглядела как новая, будто только что из магазина, потому что Инга стирала ее только руками, аккуратно и осторожно.

Видимо, лицо у нее вытянулось от досады и обиды, потому что мама сразу поняла, в чем дело.

– Ничего, купишь новую, – сухо произнесла она. – У тебя этих футболок – целая полка. Тебе что, дома носить нечего, что ты так расстраиваешься из какой-то тряпки? Ты стала очень корыстной, Инга, так нельзя! Сестре помочь – жалко, тряпку застиранную – жалко, за копейку удавишься. В детстве ты была такой доброй девочкой, всем сочувствовала, всем помогала, а выросла – черт знает в кого превратилась. Откуда в тебе эта жадность, эта скупость? Это всего лишь деньги! Постыдилась бы!

Всего лишь деньги... Да, наверное. Но каким трудом они добываются! И сколько дней и ночей, сколько отпусков и выходных Инга потратила на обучение и практику, чтобы теперь за этот труд платили хоть сколько-нибудь прилично! Сколько раз она не съездила отдохнуть, не повалялась на диване перед телевизором в праздничные дни, да не сходила на свидание, в конце концов! И теперь для нее это не «просто деньги», а восемь лет жизни, в которой не было почти ничего, кроме работы и оголтелого стремления научиться, овладеть, освоить, узнать, понять, довести до совершенства. «Почти» означало, что у Инги была какая-то личная жизнь, но бестолковая, бессмысленная, неудачная и в конечном счете, если совсем честно, нужная ей только для того, чтобы хотя бы несколько месяцев не жить дома. Даже единственная ее любовь, любовь к умирающему Игорю Андреевичу Выходцеву, – и та прочно слилась со временем, когда она не отдыхала, а трудилась, зарабатывала.

* * *

Инга была уверена, что тот пациент с кладбища больше не позвонит. Прошел день, другой, но Юрий не объявлялся. «Наверное, эффекта хватило ненадолго, часа на два, – думала она. – И он решил, что затея смысла не имеет. Жаль, клиенты нужны, на сестринскую зарплату прожить трудно».

Работы она никогда не боялась, наоборот, чем труднее – тем интереснее ей становилось, появлялся азарт: да быть такого не может, чтобы у нее не получилось! Помимо основной работы медсестры в онкологической клинике Инга занималась частной практикой, выезжала на дом проводить процедуры, ставить уколы и капельницы, обрабатывать послеоперационные швы, снимать болевые синдромы. Оплата ее услуг была существенным финансовым подспорьем, но все равно денег недоставало, чтобы открыть свой кабинет, в котором можно принимать пациентов, а не мотаться к ним по всему городу, теряя время и силы на дорогу. Имея кабинет, можно успевать принять человек десять за день, если трудиться с восьми утра до восьми вечера, а сейчас – хорошо если по трем-четырем адресам съездишь, еще и не каждый день, потому что основную работу никто же не отменял. Как хорошо было бы заниматься только

самым любимым делом – терапией боли, которое и получалось у нее намного лучше, чем у других, работавших по этим же методикам! Но об этом можно было лишь мечтать, да и то нечасто, дабы не увязнуть в опасных иллюзиях.

Однако Инга ошиблась: Юрий позвонил, когда она была на смене в клинике.

– Вы, барышня, прямо волшебница, – заявил он. – Целых четыре дня человеком себя чувствовал.

– Неужели четыре дня не было болей? – удивилась Инга.

– Ну... Если честно, то совсем-совсем не болело дня два, потом боль была, но терпимая, я такую даже и не замечаю.

– А теперь снова?

– Ну да, в полный рост. Как, поможете?

Она посмотрела на часы. Смена закончится через полтора часа. Потом нужно ехать на другой конец города, там капельница, два часа. Вообще-то она собиралась после этой капельницы вернуться домой и отдохнуть до завтрашнего утра, но не отказываться же от заработка...

– Я освобожусь через четыре-пять часов. Устроит?

– Да ё-моё, меня все устроит, только боль снимите! – резковато, с досадой произнес в трубку Юрий.

Инга взяла ручку, собираясь записать адрес, и чуть не подпрыгнула от радости, услышав название улицы: это буквально в трех минутах ходьбы от ее дома. Они с Юрием, оказывается, соседи! Тогда тем более нельзя терять такого клиента.

* * *

Весь следующий месяц Инга исправно наносила визиты Юрию каждые три-четыре дня. Жена его, женщина с красивым, но суровым лицом, первое время неотлучно находилась рядом, пока Инга искала и прорабатывала точки когда пальцами, а когда иголками или специальными свечами. Наверное, были поводы опасаться и ревновать. Спустя две недели жена подуспокоилась, не заметив ничего тревожного в поведении мужа и приходящей медсестры, которую можно было назвать привлекательной только с очень большой натяжкой. Теперь она стояла в дверях комнаты, где проходил сеанс, лишь первые минут пять, после чего уходила заниматься своими делами, а по окончании даже предлагала Инге чайку, от которого девушка всегда отказывалась: какой смысл чаевничать, если через пять минут она будет дома?

К Юрию она приходила по вечерам, ставила его в своем расписании последним, и разговаривать уже и не хотелось, и сил не было, поэтому во время сеансов оба в основном молчали, обмениваясь только самыми необходимыми короткими репликами. За целый месяц она так и не узнала ничего об этом человеке, который, судя по всему, имел хорошее образование, но почему-то работал на кладбище. Проблемы с алкоголем? Вот уж точно нет. Наверное, основная профессия оказалась в нынешние времена невостребованной, а жить на что-то надо. А может быть, судимость за плечами, и по профессии уже никуда не устроишься. Всякое бывает. Одно можно сказать точно: семья далеко не бедствует, об этом красноречиво свидетельствует «начинка» довольно просторной квартиры.

Юрий по-прежнему обращался к Инге на «вы» и предпочитал называть барышней, а не по имени. Ей казалось, что таким странным манером он хочет сохранить определенную дистанцию между ними, и не возражала. Клиент доброжелателен, терпелив и платит за визиты, а больше ей ничего и не требуется.

В начале второго месяца Юрий неожиданно заявил:

– И все-таки я не понимаю, барышня, как вы с такими умениями ухитрились до сих пор не открыть собственное дело? Вы же можете очень прилично зарабатывать, а если попадете в правильные руки, так и вовсе озолотитесь.

Слова о «правильных руках», в которые нужно попасть, отчего-то ужасно не понравились Инге, и ей с трудом удалось справиться с внезапно накатившей злостью. Она что, вещь, неодушевленный предмет, прибор для физиотерапии?

Сделав пару глубоких вдохов, она ответила как можно спокойнее:

– Мне очень хотелось бы открыть собственный кабинет, но для этого нужен начальный капитал, которого у меня пока нет. И думаю, в ближайшие годы не будет.

– Ну как же так? Ваши услуги стоят недешево, и...

Все понятно. Этот кладбищенский работник уже все подсчитал, исходя из представления о том, что Инга целыми днями ездит по клиентам и с каждого берет столько же, сколько с него самого. Ей не хотелось ничего объяснять. Среди ее пациентов есть умирающие от онкологии дети и одинокие старики, с которыми она работает или за совсем символические деньги, или вообще бесплатно. Тем, у кого есть средства, выкатывает счета посущественнее, конечно, как, например, тому же Юрию, но по-настоящему богатых клиентов, с которых не грех брать полной мерой, у нее нет. Эти «настоящие богатые» лечатся за границей, в Израиле, Германии, США, а в московских клиниках и тем более в хосписах не появляются. Одним словом, трудится Инга много, а зарабатывает... И значительную долю заработанного выклянчивает родная сестра, которой вечно не хватает денег и отказать которой Инга не может.

– Тот, кто может платить много, не лечится в России, – коротко ответила она.

– Я понял. Но вы, барышня, не совсем правы. Если хотите, могу порекомендовать вас весьма небедному бизнесмену. Думаю, в обиде вы не останетесь.

– Что у него?

– Позвоночник. То ли грыжи, то ли протрузии, я в этом не разбираюсь. Но когда приступы – волком воет.

– Можно попробовать, – осторожно согласилась Инга.

И этими словами выписала себе путевку в новую жизнь.

Каменская

Свадьба Романа Дзюбы и Дуняши проходила как-то необыкновенно уютно, словно и не праздник в ресторане, а домашние посиделки с соседями. «Жаль, что Лешка в отъезде, – подумала Настя Каменская. – Ему бы понравилось. И люди приятные, и еда вкусная, и громкой музыки нет».

Звяканье ножа о стекло бокала возвестило о начале нового тоста.

– Ромчик-Дунчик! – зазвучал воодушевленный девичий голосок. – Я вас обоих ужасно люблю и страшно рада, что вы женитесь! Предлагаю выпить за то, чтобы наш со Степкой папа поскорее последовал вашему примеру и тоже женился уже, наконец!

– Василиса! – строго одернул девушку Антон.

– Ну а что такого? Я правду говорю. Все нормальные люди женятся, и тебе давно уже пора.

Василиса, дочь Антона Сташиса, примчалась в ресторан прямо с тренировки, нимало не смущаясь тем, что в джинсах, толстовке с капюшоном и кроссовках приходиться на свадьбу как-то не принято. Правда, свадьба более чем скромная, человек пятнадцать, включая жениха с невестой и их родителей. День будний, регистрация без лимузинов и излишеств, Роман и Дуня посчитали, что при ограниченных финансовых возможностях ужина в ресторане будет вполне достаточно, чтобы отметить юридическое оформление давно свершившегося факта, ведь они живут вместе уже много лет. Василиса обожала и папиного друга Ромку, и Дуняшу, называла их не иначе как «Ромчик-Дунчик», подчеркивая тем самым, что не представляет их отдельно друг от друга, сильно переживала, когда пара на какое-то время рассталась, и больше всех радовалась, когда все снова наладилось.

Анастасия Каменская бросила быстрый взгляд на сидящего рядом с ней Антона.

– Что, больной вопрос? – тихонько спросила она.

Сташис вздохнул.

– Больной. Ваське надоело быть хозяйкой. Ей в этом году восемнадцать исполнится, она хочет жить своей жизнью и мечтает скинуть все заботы на какую-нибудь мачеху. Ей вообще все равно, кого я приведу в семью, она в тот же момент соберет вещи и съедет на съемную хату или к своему парню. Не терпится почувствовать себя взрослой и свободной. Не могу на нее сердиться, она девочка очень ответственная, весь дом на себе тащит, и быт, и Степку, и учебу, и спорт. Минуты нет, чтобы дух перевести. Так что я ее понимаю. Оля, конечно, помогает как может, но ведь у нее тоже работа, да и живет она отдельно.

Ольга, подруга Сташиса, яркая молодая женщина с темно-рыжими волосами и карими блестящими глазами, сидела по другую руку от Антона и увлеченно беседовала о чем-то с младшим братом невесты.

– А что Степка? Как он с Ольгой?

– В целом хорошо, но не хочет, чтобы я женился. Из-за этого они с Васькой постоянно ругаются.

– Почему, если Ольга ему нравится? Извини, я, наверное, лезу не в свое дело...

– Да ладно, – махнул рукой Антон. – У Степки трудный возраст, сами знаете, как это бывает.

Ну да, четырнадцать лет. Самый пик отсутствия взаимопонимания между подростком и родителями.

– Бунтует?

– Если бы! Наоборот, ушел в себя, спрятался в раковину, чуть что – сразу к Ваське за помощью бежит, все ей рассказывает, а меня словно бы вообще нет в его жизни. Как она приучила его, мол, у папы трудная работа, не вздумай его ничем грузить, дай папе отдохнуть, у

тебя есть я, твоя старшая сестра, я тебя в обиду не дам, я за тебя любому глотку порву, – так и живет до сих пор. Парень у меня тихий, не хочу сказать, что слабый, скорее – нежный, чувствительный, его постоянно в школе задирают и обижают, а Вася – боевая, активная, занимается айкидо, сколько раз дралась за брата – не сосчитать, учила его обидчиков уму-разуму. Степка точно знает, что как только в доме появится другая хозяйка – Василиса тут же сбежит на волю, и боится остаться без поддержки и защиты. Какая-то болезненная зависимость у него от сестры, ей-богу! А на меня не надеется.

– Может, это и неплохо, – заметила Настя.

– Зависимость – всегда плохо, – очень серьезно отозвался Антон. – А с моей работой совсем не остается времени, чтобы систематически вести с сыном серьезные долгие разговоры. Да и не слышит он меня, не воспринимает.

У него в кармане зазвонил телефон. Сташис извинился и отошел от стола, чтобы ответить на вызов. Теперь пространство между Настей и Ольгой оказалось свободным, и Настя не могла не заметить тревожный и одновременно сочувственный взгляд, который молодая женщина бросила вслед Антону. Настя слегка улыбнулась, встретившись с ней глазами, и Ольга ответила ей тоже улыбкой, потом пересела на место Антона.

– Мне рассказывали, что и у вас в свое время свадьба не гладко прошла, – вопросительно произнесла она.

Настя уклонилась от ответа. Да уж, не гладко – это еще мягко сказано. Следовательно, помнится, сказал тогда: «Ну что ты за человек, Каменская? Даже замуж выйти нормально не можешь». Труп в ЗАГСе... Как давно это было! Четверть века минуло, в мае серебряная свадьба и у них с Чистяковым, и у брата Саша с Дашей, специально устроили тогда регистрацию в один день. Интересно, кто рассказал Ольге? Понятно, что либо Антон, либо Ромка, но они-то откуда узнали? Они в те годы еще под стол пешком ходили. Небось, Сережа Зарубин насплетничал.

– У оперативников жизнь такая, ничего невозможно планировать заранее. Когда Ромчик и Дуня подавали заявление, все думали, что они хотят к Валентинову дню подгадать, а Ромка потом объяснял, что им все равно было, на какую дату назначат, потому что на работе в любой день и в любой момент может случиться какая-нибудь бяка, так что нет никакого смысла привязываться к определенной дате.

Ольга молча кивнула, лицо ее погрузнело.

– Думаете, Антону по работе звонят? – понимающе спросила Настя.

– Надеюсь, что нет, но всегда готовлюсь к худшему, – ответила Ольга. – Даже немножко завидую Дуняше, она давно натренировалась быть подружкой опера, станет Ромчику хорошей женой. А я все никак не привыкну.

– Но вы ведь тоже давно вместе, – заметила Настя. – Я помню, вы познакомились на деле фигуристов, это еще до сочинской Олимпиады было.

Ольга покачала головой, сделала глоток морса из высокого стакана.

– Время тут ни при чем, это характер. Дуняша считает, что, когда случается беда, люди должны браться за руки и дружно помогать, даже если это неудобно, не вовремя, не хочется. Помощь в беде – ее безусловный приоритет. Поэтому она уважает Ромкину работу и считает себя причастной к ней в той мере, в какой может хотя бы психологически его поддерживать. А я, увы, не такая. Но стараюсь как могу.

Она грустно улыбнулась и хотела еще что-то сказать, но тут подскочила Василиса, на ходу откусывая от зажатого в руке пирожка.

– Оль, ну чего ты папу никак не доставишь? Давай уже переезжай к нам насовсем. Кстати, где он?

– Вышел, по телефону разговаривает.

– Ну, ясно, – девушка досадливо наморщила носик. – Как всегда: у всех праздник – у оперов трупы. Ладно, скажи ему, что я убежала, меня Толик на стоянке ждет. Ой, у тебя паке- тика нет?

– Нет, а зачем?

– Ладно, в руках утащу.

Василиса Сташис потянулась к блюду в центре стола, ухватила четыре пирожка – по два в каждую руку – и умчалась. Ольга встала, подошла к окну, выходящему на парковку, Настя поднялась и присоединилась к ней. Они молча смотрели, как Вася подбегает к рослому парню на мотоцикле, засовывает пирожки в лежащий на сиденье рюкзак, предварительно обернув каждый бумажным носовым платочком, надевает шлем, усаживается сзади, обхватывает своего Толика за талию. На крыльцо вышел Антон с телефоном в руке, он уже не разговаривал, а просто стоял и смотрел вслед дочери. В его одинокой фигуре на сыром февральском ветру, без куртки, было что-то невыразимо грустное. «Не позавидуешь ему, – подумала Настя. – Вроде и молодой, и красивый, и полный сил, и успешный, двое детей, и много лет активной жизни впереди, не то что у меня. А на самом деле – сплошные похороны в юности, когда за короткое время потерял всю семью, потом раннее вдовство, маленькие детки на руках, изматывающая служба в розыске и непреходящая, круглосуточная, убийственная тревога за Степку и Василису. Вот и подумай, Каменская, кому сейчас лучше: Антону на взлете карьеры или тебе, никому не нужной пенсионерке. И выходит, что как ни крути – а тебе-то лучше. Ну, может, и не лучше, со стороны судить трудно, но, во всяком случае, легче».

Антон скрылся в дверях ресторана, через короткое время появился в зале, подошел к Ольге, что-то сказал ей, поцеловал в щеку и направился к жениху. Они перебросились парой слов, после чего вместе вышли в холл, и через несколько минут Ромка вернулся один. Дуня стояла за спинами двух своих подружек, сидящих за столом, все трое заразительно хохотали над чем-то. Заметила ли она, что происходит? Поняла ли? «Как в плохом кино, – сказала себе Настя. – Сыщика обязательно должны сорвать с концерта или из театра, чтобы показать, как опасна и трудна его служба. Хотя варианта со свадьбой друга и коллеги вроде бы еще не было. Или был?»

По Ромкиному лицу видно, как он расстроен. Интересно чем? Тем, что Сташис покинул праздник? Или тем, что счастливый жених хотел бы сам выехать на место и уже начать работать, а не высиживать за праздничным угощением? Если бы речь шла о ней самой, то уж точно второе, а не первое. Но Роман Дзюба – не Настя Каменская. Он другой. Или такой же?

Настя отошла от окна, но не села на свое место, а подошла к Роману.

– Проблемы?

Ромка здоровенный, накачанный, мощные бицепсы едва не рвут подозрительно натянутую ткань пиджака на рукавах, и все равно вид у него как у обиженного пацаненка.

– Да как обычно, сами все знаете, Анастасия Павловна.

Нет, не «как обычно», уж это-то Настя Каменская понимала. Оперов с Петровки выдерживают только если что-то значимое и срочное, а уж Сережа Зарубин совершенно точно не позволил бы портить свадьбу Ромчика из-за чего-то такого, с чем прекрасно справится сотрудник, отбывающий сегодня дежурство.

– Ладно, мне врать не обязательно, – примирительно произнесла она. – Захочешь попричитать – я на улице курю.

– Попричитать?

– Ну, на несправедливость бытия посетовать, если тебе так больше нравится. Антон ушел, Дуня – невеста, остальные гости вроде как не при делах, только я и остаюсь. Неразглашение гарантирую, сам понимаешь.

Она ободряюще подмигнула Роману, сняла с вешалки свой пуховик и вышла на улицу. Место для курения было оборудовано метрах в трех от крыльца: красивая урна с соответствующим

щей наклейкой и хлипкий, на четырех алюминиевых ножках, пластиковый навесик от дождя и снега. Дзюба нарисовался рядом с ней буквально через минуту: ровно столько времени потребовалось ему, чтобы предупредить Дуняшу и пройти через холл ресторана.

* * *

– Первый труп был четыре недели назад, мужчина двадцати восьми лет, менеджер в крупной компании. Ночью в темном месте весьма профессионально свернули шею. И все бы ничего, но на трупе обнаружили записку: «Моему Учителю». Слово «Учитель» написано с заглавной буквы. Никому, конечно, не понравилось, но волну поднимать не стали. Выдвинули официальную версию, что этот менеджер как-то неудачно вступил в конфликт с человеком, прошедшим спецподготовку. Может, преступник воевал или боевыми искусствами занимался. У таких ребят с офисным планктоном масса тем, по которым можно серьезно разойтись во взглядах. Потерпевший – тот еще фрукт, пока мы его контакты и связи отработывали – наслушались всякого о его характере и привычках. Несколько лет назад в состоянии опьянения совершил ДТП, покалечил девушку, она теперь инвалид пожизненно. Богатый папа постарался, обошлось условным сроком.

– И?..

– Ну, само собой, первым делом это направление отработали. Родители девушки, родственники мужского пола, женихи-поклонники и все такое. Пусто-пусто. И потом, если это месть, то почему такая записка? Не складывается.

– Не складывается, – согласилась Настя. – А сегодня что? Текст записки такой же?

– Тоха сказал, что почти такой же, но другой. Только, Анастасия Павловна, это между нами, ладно? – вдруг спохватился Дзюба.

– Мог бы и не говорить. Не первый год замужем, – усмехнулась она.

Выпил человек на собственной свадьбе, не опьянел, конечно, но расслабился, вот язык и развязался. Но в данном случае это не критично, Настя не подведет.

– Теперь понятно, что серия, – вздохнул Роман. – Бригаду создадут, следователей всех уровней нагонят, будут за нервные окончания дергать каждые два часа. Повезло, что нового начальника пока не назначили, с Кузьмичом оно как-то надежнее.

– Знакомо. Сочувствую.

Она уже знала, что прежний начальник «убойного» отдела МУРа был спешно повышен в должности с переводом в другое управление, как только объявили, что все правительство, за исключением руководителей силовых структур, отправлено в отставку и назначен новый премьер-министр. Силовики, как все предполагали, стоят в очереди следующими, и моментально началась мышиная возня с кадровыми перестановками. Слухи о том, что «уже скоро» будут менять правительство, ходили по кулуарам как минимум месяцев пять-шесть, однако само событие, как это чаще всего и случается, оказалось все равно неожиданным. Ну, примерно, как снег, который с завидной регулярностью выпадает каждую зиму, но городские службы почему-то оказываются не готовы. На Петровке тоже готовы не были, во всяком случае, кандидатуру на должность нового начальника отдела не подобрали. А вот сам начальник отдела, по-видимому, проявил предусмотрительность и предприимчивость, местечко себе приглядел заранее и всю подготовительную работу провел вовремя. Временно исполняющим обязанности назначили его заместителя, Сергея Кузьмича Зарубина, опытного сыскаря с многолетним стажем, Настинного давнего товарища.

– Думаешь, Серегу не назначат? – спросила Настя.

– Он сам не хочет. Говорит, что ловить злодеев и руководить ловлей – две разные профессии, одной он владеет, а другой нет. Он и на должность зама еле-еле согласился, его Большой уломал.

Начальник МУРа генерал Большаков когда-то сам был начальником «убойного». Насте Каменской и Сергею Зарубину довелось поработать под его руководством, поэтому понятно, что о профессиональных качествах Сергея Большаков имел весьма полное представление. «Я – пацан несерьезный, – говорил о себе Зарубин. – Мне бы все хиханьки да хаханьки, шуточки-прибауточки. Любой зам любого руководителя имеет возможность хоть немножко заниматься своим прямым делом, а вот сами руководители занимаются исключительно отчетами, докладами и прочими политесами. Даже самый хороший начальник тратит силы и время не на то, чтобы кого-то там поймать и что-то там раскрыть, а исключительно на то, чтобы подать наверх красивую картинку и отмазать подчиненных, которые накосячили. Ну, и договориться с кем надо, это уж обязательно. Умение договариваться – особый навык, очень нужный, но я им не владею, потому в начальники не пойду ни за какие коврижки». Константин Георгиевич Большаков договариваться умел. И Серегу Зарубина каким-то манером убедил.

– Вообще-то правильно, что Сережа не рвется в начальственное кресло, – задумчиво проговорила Настя.

– Почему?

– Нет ничего горше участи руководителя, выращенного «в своем коллективе». Очень трудно командовать людьми, которые по углам рассказывают, как «этот» когда-то бегал для них за пивом. Поэтому начальников лучше приводить со стороны, это разумно, они – люди без бэкграунда, а вот вакансии замов как раз имеет смысл закрывать внутренними кандидатами: они знают и людей, и расклад сил, и местные порядки и правила, всегда смогут вовремя подсказать.

– Но заместитель-то тоже имеет бэкграунд. Почему он может быть замом, а начальником уже не может?

– Потому что, Ромчик, когда есть начальник, то его зама рядовые сотрудники рассматривают как своеобразную прокладку между собой и руководством: он из наших, из своих, он поможет и прикроет. Зам – это защита и опора, а начальник – он только контролирует, требует и ругает, больше от него подчиненные ничего не видят и не ждут. Нет, дружочек, начальником быть плохо, неблагодарная это роль. И потом, есть вопросы внутренней политики: зам и начальник, по мнению руководства, не должны быть соратниками, понимаешь? Иначе подразделение станет неуправляемым. Зарубин считается человеком Большого, поскольку работал в отделе еще под его началом. Значит, если его повысить, то замом к нему пришлют представителя конкурирующей группировки. И еще большой вопрос, как он будет выполнять свою роль «прокладки» и справится ли с ним наш Кузьмич. Оно вам надо? А на должности зама Кузьмич останется вам родным отцом-командиром, а начальник уж пусть будет из чужих. Так что я Серегу всей душой понимаю.

Зарубин тоже был приглашен на свадьбу и, когда подтверждал, что обязательно придет, то звонил Насте и так искренне радовался, что удастся наконец-то пообщаться в нормальной обстановке, не спеша, не на бегу и не по телефону. Было это незадолго до Нового года... Кто ж мог ожидать, что Сергей Кузьмич вдруг делается «ВРИО начальника» и окончательно перестанет быть хозяином своему времени. В «верхние» кабинеты могут вызвать в любой момент и задержать там на сколь угодно долго. Еще один огромный минус должности...

– Жаль, что не смог прийти, – негромко проговорила Настя.

– Да, жалко.

Матвей

Пока Светлана Валентиновна была жива, Матвею даже в голову не приходило поинтересоваться, почему она живет одна. Он вообще ничего не знал о ней, кроме того, что она доктор аж двух разных наук и руководит кафедрой. Была ли замужем? Если была, то вдова или в разводе? Есть ли дети и внуки, а может, и правнуки? И где они, почему не взяли к себе «на дожитие», как семья Матвея взяла старенькую прабабушку? Не то чтобы Светлана была скрытной, просто он не спрашивал: не казалось важным и интересным.

Когда встал вопрос об организации похорон, все хлопоты взял на себя университет. При встрече у подъезда Светланы тот бородатый, из учеников, дал Матвею свой телефон и сказал, глядя вслед отъезжающей машине, на которой увозили тело:

– Захочешь прийти проститься – звони, скажу, где и когда.

Вообще-то идти на похороны Матвею не хотелось. Но ему казалось, что если человек в старости живет один, то и провожать его будет особо некому, и при мысли о том, что гроб старой профессорши понесут к могиле в сопровождении всего пары учеников, ему становилось больно и горько. «Пойду», – решил Матвей.

Бородатый, которого, как выяснилось, звали Борисом, сообщил, что траурный митинг и отпевание состоятся в ритуальном зале, продиктовал адрес.

Ишь ты, целый траурный митинг... И почему Матвей решил, что старуха в свой последний день на земле останется в одиночестве? Дурак он, совсем не подумал, что если профессор Стеклова столько лет руководила кафедрой и написала столько монографий и статей, то уж в научном-то мире ее многие знают и уважают.

– А хоронить на каком кладбище будут? – спросил Матвей.

Он не хотел присутствовать ни на митинге, ни на отпевании, там все чужие, он никого не знает. Он хотел только проводить, чтобы Светлане не было так уж одиноко в ее последнем путешествии. Хотя теперь уже понятно, что одиноко ей не будет. Может, вообще не ходить? Ну кто он ей? Компьютерный мальчик по вызову, не родственник, не ученик и даже не сосед по дому. Провожающих и без Матвея хватит.

– Ее кремируют, – ответил Борис. – Светлана Валентиновна сама так хотела, она уже давно распоряжения на этот счет оставила.

– Почему?

– Говорила, что за могилой все равно ухаживать будет некому, а место на кладбище стоит дорого.

– Разве у нее нет родственников?

– Есть, конечно, но не в Москве. Кремация в Николо-Архангельском. Это неправда, конечно, насчет могилы, – Борис заговорил торопливо и виновато, – и деньги нашли бы, и памятник поставили, и ухаживали, мы Светлане Валентиновне тысячу раз говорили, но она же упрямая была, ее не переубедить. Говорила, что на родню надежда слабая, а быть в тягость чужим людям она не привыкла.

«За могилой ухаживать некому...» Сердце Матвея снова сжалось. Ну чего он рассиропился, как девица?

«Ну и не пойду тогда», – подумал он.

И все-таки пошел.

Бывать в крематории ему прежде не доводилось; на похоронах он, конечно, бывал, но церемонии проходили на кладбищах, и Матвей ожидал, что гроб будут сопровождать все те люди, которые присутствовали в ритуальном зале на митинге и отпевании. Однако из автобуса, на котором привезли Светлану Валентиновну, вышло всего человек десять, в том числе и бородатый Борис, и тот второй, который был с ним, когда Стеклова скончалась. Представительного

вида седой мужик вел себя как большой босс, отдавал распоряжения. Борис сказал, что это сын Светланы, прилетел из Хабаровска. Кроме сына и четверых учеников в крематорий приехали какие-то бабульки, такие же ветхие, как сама усопшая, ну, может, чуть помоложе.

Процедура последнего прощания заняла не больше двадцати минут, Матвей даже удивился, что так быстро все прошло. Зашли в маленький зальчик, встали вокруг гроба, сотрудница ритуальной службы проникновенным голосом сказала несколько фраз под льющуюся из динамика органную музыку, молча постояли, недолго совсем, и гроб начал плавно опускаться вниз. Никто не плакал, даже сын, и от этого Матвею казалось, что похороны какие-то ненастоящие.

На поминки он не поехал. Уверен был, что эту страницу своей жизни перевернул окончательно.

Но на следующий день неожиданно позвонил Борис. Светлана Валентиновна оставила завещание, все ее имущество переходит к единственному сыну, так что никаких наследственных споров не предвидится. Сын осмотрел квартиру и предложил Борису забрать все, не представляющее для наследника никакой ценности: книги, рукописи, бумаги.

– Либо вы это забираете, если оно вам нужно, либо я это выбрасываю на помойку, – заявил он. – Компьютер и ноутбук тоже можете забрать, что мне делать с этим старьем? На таком сейчас уже никто не работает.

Борис ответил, что художественную литературу можно отдать в ближайшую библиотеку, а научную и все рабочие материалы они, разумеется, заберут.

– В этой связи у меня к тебе два вопроса, – сказал он Матвею. – Первый: ты же работал со Светланиными компами?

– Ну да.

– Пароли знаешь?

– Само собой, я же их и ставил после того, как полностью чистил. И между прочим, железо действительно старое, а софт весь хороший, я за этим следил.

– Ну супер! – обрадовался Борис. – Значит, сможешь?

– Да не вопрос.

– Теперь второе: у Светланы осталась огромная куча бумаг, которые необходимы нам для работы. Их нужно тщательно разобрать, рассортировать, чтобы не выбросить что-нибудь важное. Но на это требуется много времени, а сын торопит, он же теперь новый хозяин, – Борис зло усмехнулся в трубку. – Ему нужно по-быстрому оформить документы, открыть наследственное дело, приготовить квартиру под сдачу и возвращаться в свой Хабаровск, у него там бизнес простаивает. Так что наша задача – как можно быстрее все собрать и вывезти куда-то, где потом можно будет спокойно перебрать по листочку, отсортировать, систематизировать.

– Так а в чем проблема-то? – не понял Матвей. – Нужно помочь собрать и вывезти?

– И это тоже, но главным образом – куда вывозить. Там такие объемы... А у нас у всех жильё малогабаритное.

У всех! И сколько их, этих «всех», интересно?

– Нас четверо, – пояснил Борис. – Мы под руководством Светланы работали над одним проектом... В общем, не суть важно, над чем мы работали, важно, что никому из нас условия не позволяют ни хранить это все, ни тем более собираться и просматривать. Кто с семьей живет, кто с подругой, кто в аспирантской общаге. А у тебя с этим как? Ты один живешь?

– Ага, от предков съехал, снимаю комнату в коммуналке. В одной комнате супруги-алкаши, вообще не просыхают, в другой бабулька почти сумасшедшая и жутко скандальная.

– Тоже не вариант... – удрученно протянул аспирант.

– У нас дача есть, – радостно спохватился Матвей. – Зимой мы туда обычно не ездим, холодно, а топить лень.

– Есть что топить? – живо поинтересовался Борис.

– Ну да, печь, хорошая, мастера клали. Когда строили, отец думал, что будет классно дрова колоть, печку разжигать, деревенский стиль, живой огонь и все такое. А потом как-то отпустило. В общем, если вас устроит, то можно к нам на дачу.

Вопрос решился быстро и безболезненно, родители Матвея не возражали, более того, выразили полную поддержку тем, кто планирует разобрать бумаги уважаемого ученого. «Преданность труду старого учителя – это плюс в карму», – одобрительно сказала мама Матвея. А отец тут же предложил организовать заказ и доставку дров.

Матвей встретился с Борисом, отвез его на дачу, все показал, передал ключи и листочек, на котором записал два пароля. Уверен был, что теперь-то уже точно – всё. Больше он со старой Каргой никак не пересечется.

Но почему-то вышло не так, и вот уже месяц, как Матвей при любой возможности ездит на дачу, где постоянно находится хотя бы один из «учеников» Светланы Валентиновны Стекловой, а иногда и все четверо. Он ведь не собирался! Ничего такого не планировал! Ну да, включил вместе с ними сначала компьютер старухи, потом ноут, показал, где что, потому что ориентировался лучше, чем в собственной квартире, сам ведь все ставил и в порядок приводил. Но тут прозвучала фраза – кто-то вслух прочитал выделенный жирным шрифтом текст в открытом наугад файле:

– Только в две тысячи семнадцатом году в нашей стране в результате дорожно-транспортных происшествий погибли семьсот тринадцать детей в возрасте до шестнадцати лет. Семьсот тринадцать малышей и подростков! Только за один год. Семьсот тринадцать семей получили огромную психологическую травму. Более того, в результате ДТП мы имели в том же году больше двадцати одной тысячи раненых детей того же возраста. Вы только вдумайтесь: двадцать одна тысяча. И не забудьте, что у каждого ребенка, по статистике, имеется как минимум один-два близких родственника, которые страдают, переживают, горюют. Так что смело прибавляем еще пятьдесят тысяч по самым скромным подсчетам. Это целый город! И всего за один год. Каждый год – целый город пострадавших детей и их семей. наших детей и наших друзей, знакомых и родственников.

Ученик Светланы Валентиновны по имени Илья, тот самый, который был с Борисом, когда Стеклова умирала, продолжал читать дальше, но Матвей уже не слушал. Только что произнесенные слова раскаленными шипами впились в мозг и не хотели оттуда уходить. И ведь вроде ничего особенно нового он не услышал, все эти цифры были ему знакомы по графикам, диаграммам и таблицам, которые он же сам и рисовал под диктовку Карги, и про то, что целый город, она тоже говорила, но почему-то зацепило его именно сейчас. Может, триггером послужила фраза о психологической травме? Из-за этой фразы абстрактный «город» вдруг превратился в город, целиком населенный страдающими и горюющими людьми. И это было страшно.

Он сперва надеялся, что отпустит, как всегда отпускало, знал Матвей за собой такую особенность: не умел ничего хотеть слишком долго, быстро загорался и так же быстро остывал. Отец у Матвея точно такой же, видно, по наследству перешло. Но раскаленные шипы оставили ожоги, которые не хотели заживать.

Их было четверо. Борис, Илья, Николай, Александр.

Теперь их стало пятеро. Теперь Матвей с ними.

Инга. За полгода до событий

От брошенной в корзину светло-зеленой робы несло смесью пота, мазей и специальных свечей. День оказался неожиданно насыщенным, пришлось не только проводить обычный сеанс с боссом, но и ехать к черту на кулички приводить в порядок мышечный скелет и снимать болевой синдром у двоих устрашающего вида парней, попавших в какую-то криминальную передрагу. Один из пострадавших был двоюродным племянником босса, второй – ближайшим другом этого племянника, и оба зарабатывали на жизнь участием в боях без правил. Помощь этим парням была включена в условия работы с самого начала, но раньше Инга занималась ими только в связи с боями, а сегодня ребята ухитрились ввязаться в какую-то разборку далеко за городом.

Инга задумчиво посмотрела на торчащую из корзины робу. На сегодняшний вечер она стирку не планировала, из пяти рабочих униформ грязные пока только две, да и корзина еще пуста наполовину. Для нее самой исходящий от робы запах был привычным и незаметным, но Артем его на дух не переносил. Она вздохнула и принялась загружать машинку. Артем любит порядок, так что теперь придется ждать, пока закончатся стирка и сушка, потом гладить. А она так мечтала полежать в теплой ванне, расслабить натруженные мышцы, потом забраться в постель и спать.

Артем с сосредоточенным лицом что-то делал на компьютере. Как хорошо! Тихо, никто не кричит, не ноет, не плачет, не требует, не обвиняет в скупости и черствости. Инга переехала в эту квартиру спустя месяц после того, как сестра Маша родила сына. Ну, строго говоря, переехала она не в квартиру, а просто начала жить с Артемом. И если совсем честно, ей вообще было все равно, с кем жить, лишь бы не дома и кругом поменьше звуков. Инга не считала свое тело великой ценностью и без колебаний готова была расплачиваться им за относительный бытовой комфорт и возможность заниматься любимым делом. Жизнь с Артемом никаких особенных жертв и не требовала: он был приличным, очень неглупым и довольно красивым.

...Инге он понравился с первой же встречи, когда она, предварительно позвонив по телефону, который дал ей Юрий, приехала в огромный бизнес-центр. Возле стойки ресепшена ее ждал стройный светловолосый молодой человек, вежливый и предупредительный.

– Госпожа Гесс? Меня зовут Артем, я личный помощник господина Фадеева.

Они поднялись на восемнадцатый этаж, прошли по длинному коридору до двери с эмблемой строительной компании, главой и хозяином которой и был тот самый господин Фадеев с «не то грыжами, не то протрузиями». Ингу усадили в приемной, попросили подождать, хорошенькая длинноногая девчушка предложила чай-кофе-сок-воду. Пуховик у Инги осенний, тонкий, но уж больно красивый и сидит на ней хорошо, поэтому она носит его и зимой, а чтобы не мерзнуть на улице, надевает толстый теплый свитер, который в этой дизайнерской приемной смотрится, прямо скажем, довольно неуместно. Она подумала, что через несколько минут ей станет жарко, и от кофе отказалась, хотя чашечка эспрессо ей сейчас очень не помешала бы. Маленькими глоточками потягивая холодный яблочный сок из высокого стакана, Инга прикидывала, долго ли ее заставят здесь париться. Вообще-то ничего плохого в этом не было, помещение прохладное, кресло удобное, сок вкусный, почему бы не воспользоваться моментом и не отдохнуть после полутора суток непрерывной работы? С восьми утра воскресенья до восьми утра понедельника оттрубила на дежурстве и сразу заступила на пост процедурной медсестры в своем отделении, так что небольшой отдых лишним совсем не будет.

– Проходите, пожалуйста, – пропел у нее над головой голосок длинноногой девчушки. – Господин Фадеев ожидает вас.

Уже вставая с кресла, Инга заметила открытую дверь в кабинет руководителя и стоявшего на пороге светловолосого Артема. Кажется, она задремала, так и не выпустив из рук стакан с соком.

Виталий Аркадьевич Фадеев оказался невысоким, сухощавым, очень морщинистым и очень энергичным. Коротко поздоровавшись, он без долгих предисловий потребовал:

– Ну, показывай, что ты там умеешь.

Инга в первый момент смешалась, потом сразу разозлилась:

– Я не работаю в цирке и фокусы показывать не умею. Если у вас есть проблема, я готова это обсудить.

Фадеев взглянул на нее с интересом, острые глазки сверкнули.

– Зубастенькая. Это неплохо. Гарик сказал, тебе отдельное помещение нужно, чтобы положить меня. Так?

– Да, так. На письменном столе и офисном кресле я не работаю.

– Двусмысленно, – хмыкнул Виталий Аркадьевич. – Но я учту.

Только тут Инга сообразила, что сказанное ею прозвучало и в самом деле как-то сомнительно и почти пошло. Надо последить за языком, да и норов свой лучше бы спрятать подальше, когда такие клиенты наклеиваются.

– Артем, проводи девушку в комнату отдыха, я сейчас подойду, – распорядился Фадеев.

Инга ожидала, что ее сейчас снова поведут по длинному коридору, но дверь в комнату отдыха оказалась здесь же, в кабинете, как это принято у всех, кто является или, по крайней мере, считает себя большим начальником. Ничего удивительного, просто ее смутило слово «проводи». Куда ж тут провожать? Сделал три шага – да и все.

Комната отдыха по размерам не уступала кабинету и, судя по еще двум дверям на противоположной от входа стороне, была снабжена туалетом и ванной комнатой. Вдоль стены – большой кожаный диван, перед ним – длинный низкий стол и два кресла, в углу – велотренажер, в другом углу – кулер. Холодильник, бар, кофемашинка, одним словом, стандартный набор крутого босса.

Артем стоял у нее за спиной, пока она осматривалась.

– Мне нужно переодеться, – сказала Инга.

– Да, конечно. Массажный стол поставить? Или для первого раза это не обязательно?

– Если стол есть, это отлично, поставьте.

Артем открыл шкаф высотой под потолок, и Инга поразились той легкости, с которой этот, казалось бы, изящный, почти хрупкий мужчина вытащил и разложил тяжеленный стол. Уж Инга-то точно знала, сколько весит эта штука и, главное, сколько она стоит. Хотя, наверное, цена стола была огромной по сравнению с зарплатой медсестры, а для господина Фадеева выглядела сущими копейками.

Из ванной Артем принес стопку полотенец и махровых простыней, положил на стол и открыл дверь в кабинет.

– Переодевайтесь. Господин Фадеев подойдет через пару минут.

Прежде чем выйти из комнаты отдыха, личный помощник окатил Ингу взглядом. Именно окатил, а не окинул. Словно вылил на ее сверху ушат теплой воды с добавлением ароматических масел. Были в этом взгляде и мужской интерес, и одобрение, и восхищение, и что-то еще, что невозможно выразить словами, можно только ощутить. И еще в этом взгляде были и предложение, и обещание.

Переодеваться Инга решила в ванной, все равно нужно тщательно вымыть руки, да и от бесцеремонного Виталия Аркадьевича можно ожидать чего угодно. Ввалится в комнату, когда Инга будет стоять во всей красе нижнего белья, да еще комментировать начнет, с него станется, знавала она в своей жизни таких типов.

В ванной она стащила с себя свитер и брюки, вынула из сумки робу. Через пару минут Инга была полностью готова, но Фадеев все не приходил. Из-за двери раздавался его голос: Виталий Аркадьевич быстро что-то говорил командным тоном, отдавая распоряжения. Наконец, он появился, на ходу расстегивая сорочку. Пиджак, судя по всему, был сброшен в кабинете.

– Темка сказал, у тебя фамилия не русская? – не то спросил, не то констатировал он.

С места в карьер. Манеры у этого Фадеева оставляют желать лучшего. Да ладно, деньги, как говорится, не пахнут.

– У моего отца немецкие корни.

Виталий Аркадьевич тем временем успел снять не только сорочку, но и брюки и собрался залезать на стол.

– Носки снимите, пожалуйста, – терпеливо попросила Инга.

По тому, как неловко и неуверенно мужчина стоял на одной ноге, стягивая носок, она уже начинала примерно понимать, какие у него проблемы со спиной.

– А чего ж не репатриировалась? Родня-то есть в Германии? – продолжил он свой допрос, укладываясь на высокий стол.

– Лицом вверх, пожалуйста. Никого нет. Мои предки приехали в Россию еще при Петре Первом, какая уж тут родня.

Подобные вопросы Инге за свою жизнь приходилось слышать тысячи раз, и они уже не раздражали, а ответы слетали с языка автоматически.

– Сама-то замужем?

– Лежите, пожалуйста, молча и не разговаривайте, отвечайте только на мои вопросы, хорошо?

– Как скажешь, – проявил неожиданную покладистость владелец фирмы. – Лёнчик предупредил, что ты не болтливая. Вижу, не обманул.

Инге хотелось спросить, давно ли Фадеев знает кладбищенского работника Юрия и на какой почве у них сложились такие доверительные отношения, но она понимала, что это будет не к месту. Не пришло еще время для разговоров на личные темы.

Примерно через час она, снова одетая в теплый свитер и зимние, на подкладке, брюки, сидела в кресле для посетителей перед огромным рабочим столом, за которым расположился сияющий довольной физиономией Виталий Аркадьевич. Рядом с ним стоял Артем с толстым органайзером в руках.

Оглашенные Фадеевым условия были немногочисленными и понятными. Первый месяц – пробный. Результат первого сеанса его воодушевил, но необходимо убедиться, что это не случайность и что такой же результат будет выдаваться стабильно. В течение пробного месяца Инга будет приезжать либо сюда, в офис компании, либо домой к Виталию Аркадьевичу в свободное от работы время. Если через месяц Виталий Аркадьевич останется так же доволен, как в данный момент, Инга Гесс увольняется из клиники и поступает в полное распоряжение своего нового босса, чтобы оказывать ему и его близким помощь в любой потребный момент. Во все прочие моменты она вольна распоряжаться собой, в том числе может заниматься другими пациентами, это ее личное дело. Но никаких разговоров на тему «я к вам приеду завтра, потому что на сегодня у меня записаны другие люди» Фадеев не потерпит. Он будет платить большую зарплату за работу лично с ним и его окружением, а все остальные пациенты должны идти по остаточному принципу.

– Это понятно? – строго спросил он, пристально глядя на Ингу.

– Более или менее. А жить я могу тоже где хочу? Или у вас подразумеваются некие требования по этому вопросу?

– Где хочешь и с кем хочешь, меня это не интересует. И не надо вот этих вот намеков на крепостное право и рабство. Рабочий день у тебя ненормированный, но за это и оклад соот-

ветствующий. Я покупаю твое время целиком изначально, а потом делаю жест доброй воли и разрешаю заниматься своими делами, если ты мне не нужна. Без урезания зарплаты. Теперь понятно?

– Теперь – вполне. Я могу подумать?

– Два дня даю, – отрезал Фадеев. – Через два дня явишься снова сюда, Тема тебе назначит. Придешь, сделаешь мне, как сегодня, и скажешь. согласишься – начнем отсчитывать испытательный месяц, не согласишься – до свидания.

Инге очень хотелось согласиться сразу. Вот прямо сейчас открыть рот и сказать: «Да, спасибо, меня все устраивает». Ведь такие огромные деньги предлагает Виталий Аркадьевич! Жизнь самой Инги сразу станет легче, и Машке с семейством можно будет помогать куда охотнее, и на открытие собственного кабинета рано или поздно накопить с запасом, чтобы всякие экономические катаклизмы не разрушили едва начатое дело.

Но было отчего-то страшно.

Артем подал ей пуховик и сказал, что проводит до выхода из здания. Когда спускались в лифте, улыбнулся ласково и негромко произнес:

– На самом деле все намного лучше, чем вы подумали.

– В смысле?

– Ну, Виталий Аркадьевич – он такой, никогда не скажет сразу всего, объявляет самый минимум. Он вам и отдельные апартаменты предложит в своем доме, чтобы вы были всегда под рукой, если захотите, конечно, и машину с водителем даст для любых поездок, в том числе личных. Он щедрый человек. И премиальными не обидит. Соглашайтесь, Инга. Уверен, что вы не пожалеете.

– Нужно еще, чтобы ваш босс тоже согласился, – усмехнулась Инга. – А вдруг он останется недоволен результатами испытательного срока?

– Вы справитесь. Я в этом даже не сомневаюсь.

Уже возле самого выхода Инга все-таки не выдержала и спросила:

– Господин Фадеев близко знаком с Юрием?

– С Юрием? – непонимающе переспросил Артем.

– С человеком, который меня рекомендовал.

– А, вы имеете в виду Гарика? Они давно знакомы.

– Одноклассники? Однокурсники?

– Однопарашники, – сухо ответил Артем. – Сидели вместе. Я вас шокировал?

Инга пожала плечами.

– Да нет. Мои розовые очки разбились еще до того, как были куплены.

Через месяц Инга Гесс уволилась из онкологической клиники и начала работать у Виталия Аркадьевича Фадеева. Еще через несколько недель стала жить с Артемом, личным помощником нового босса. Она не питала иллюзий насчет своего работодателя. Уверена была, что нынешние молодые бизнесмены могли, чисто теоретически, получить деньги от родителей на свои стартапы, но те, кому за пятьдесят, построили бизнес в основном на криминальных деньгах. По глубокому убеждению Инги, праведным трудом на каменные палаты в современной России никак не наскрести. На дощатые – пожалуй, худо-бедно, можно, а на каменные – точно нет. У Фадеева палаты были не просто каменными, а из дорогого мрамора. И зона за плечами. Да, выглядел Виталий Аркадьевич более чем цивилизно, но Инге казалось, что бандитское прошлое времен «лихих девяностых» просматривается без труда. А уж в чистоту строительного бизнеса девушка и вовсе никогда не верила. Она согласилась работать у Фадеева с открытыми глазами и была готова ко всему, в том числе и к нелегальному оказанию медицинской помощи при огнестрельных ранениях. «Конечно, это меня не украшает, – говорила она сама себе. – Говорят: ложишься спать с собакой – готовься проснуться с блохами. Хочешь много зарабаты-

вать – готовься к тому, что могут быть серьезные проблемы. И еще про бесплатный сыр что-то похожее».

Артем ухаживал за ней одновременно красиво и стремительно, а Инга почти не сопротивлялась: если главного босса можно рассматривать как источник потенциальной опасности, то лучше иметь относительно надежную защиту в лице его помощника, посвященного во все дела. Он и предупредит вовремя, и прикроет, если что, и поможет. Разумеется, не просто так, по доброте душевной, а только если будет заинтересован. Изящный, хорошо воспитанный блондин как раз и был заинтересован. Очень. Но даже если бы он не проявил к Инге повышенного внимания с самой первой встречи, то наверняка проявил бы его чуть позже, в этом она не сомневалась. Насчет своей внешности Инга никогда не обольщалась, знала: и ноги коротковаты, и попа низковата, и талии почти нет, весь торс словно столбиком сделан. Грудь пышная, что само по себе, может, и неплохо, но в комплекте со всем остальным выглядит негармонично. И черты лица неправильные. Одним словом, не модель. Тем не менее ни малейших комплексов по данному поводу у Инги Гесс отродясь не было, и если в школьные годы внимание мальчиков обходило ее стороной, то во взрослой жизни ухажеров и поклонников стало хоть отбавляй. Однако из всего этого изобилия она почему-то ухитрялась выбирать не тех, кого надо. Инге нравились мужчины «с загадкой», что на самом деле означало «с тайным страданием» или «с тайным пороком». Страдающие очень быстро начинали действовать ей на нервы, порочные же заставляли страдать ее саму. Но спокойные, понятные мужчины без загадок и затей были ей скучны. И Инга из раза в раз наступала на одни и те же грабли.

Она нравилась мужчинам и иногда, изредка, позволяла себе пользоваться этим. Так что по поводу Артема даже не колебалась: если бы он сам не запал на нее с первого же дня, Инга очаровала бы его быстро и бескровно. Была в ней какая-то необъяснимая женская притягательность, которой мало кто смог бы сопротивляться...

Сегодня Артем снова рисовал на ноутбуке свои схемы. Вернее, не рисовал, а вносил изменения. Значит, произошли в бизнесе Фадеева какие-то события. Или поступила новая информация.

– Чтобы быть эффективным личным помощником, я должен досконально понимать расстановку сил в компании, – не уставал повторять он. – Мне необходимо знать всё и обо всех.

Что ж, против этого Инга не возражала, хотя порой ей начинало казаться, что от стараний Артема пахнет паранойей. С другой стороны, чем больше он знает, тем лучше защитит ее, если обстоятельства сложатся как-то неблагоприятно. Так что пусть занимается, вреда никакого, а польза как раз может и выйти.

Она подошла к нему сзади, положила руки на плечи.

– Новые вводные? – спросила Инга.

– Да, в тверском филиале конфликт разгорелся, босс не может решить, на чью сторону встать и кого менять, а кого оставлять, – ответил Артем не оборачиваясь. – Обычная рутина. А у тебя что нового?

– Про побитых мальчиков я тебе уже доложила все, что знала, а больше порадовать нечем, – пошутила она. – Я стирку поставила, так что пока не ложусь. Хочешь, приготовлю что-нибудь?

– Мы же ужинали полчаса назад.

– Ну да, – согласилась Инга. – Но вдруг ты еще чего-то хочешь?

– Никаких «вдруг», ты же знаешь мой принцип: во всем должен быть порядок. Поужинали – значит, вопрос с едой закрыт до следующего дня.

Ох уж этот его порядок! То есть любовь к порядку – это, конечно, очень хорошо, но в безалаберности иногда столько очарования! Порой Артем казался Инге даже чересчур правильным, и она со своей любовью к маленьким спонтанным глупостям чувствовала себя ущербной.

– Тогда я пойду прилягу, пока машинка не остановится. Почитаю, – сказала она.

– Конечно, детка, отдыхай, – кивнул Артем, по-прежнему не отрываясь от экрана.

Инга прошла в спальню, закрыла за собой дверь, достала из-под стопки постельного белья в шкафу голубую записную книжку большого формата «Молескин». Письмо Игоря вложено под обложку, перехваченную резинкой.

Она улеглась поверх покрывала, предусмотрительно положила рядом раскрытую книгу, которую читала на ночь, и углубилась в текст, который и без того прекрасно помнила. Но Игорь, умирая, писал это своей рукой, и для Инги теперь важно было не содержание, а созерцание почерка, крупных букв и неровных строк. Это последнее, что у нее осталось от Выходцева. Его отпечаток. Его слова. Его мысли.

«...Девочка моя! Из письма ты уже знаешь, что я чувствую себя безмерно виноватым перед тобой, потому что ничем не могу отплатить за твою доброту, терпение и мужество. Да-да, именно мужество, потому что находиться рядом с умирающим, который знает о том, что умирает, – испытание тяжелое и горькое. Если бы у меня оставались годы жизни впереди и хоть немного душевных сил, я бы любил тебя, любил нежно и преданно. Но ничего этого у меня нет, и единственное, чем я могу выразить свое отношение к тебе, – это доверие.

Сейчас мне странно вспоминать о своей жизни и о себе самом. Словно это был вообще не я, а совсем другой человек. Это трудно объяснить, да я и не мастер растолковывать такие сложные вещи. Надеюсь, ты сама все поймешь.

Мы с женой очень хотели ребенка. И ждали его с восторгом и нетерпением. Когда родился Ванечка, мы были так счастливы! Но недолго. Вскоре выяснилось, что у Вани метахроматическая лейкоцисторфия. Не буду грузить тебя подробностями, ты сама медик и, наверное, лучше меня понимаешь, что это такое и с чем мы столкнулись. Вылечить это нельзя. Можно только поддерживать, ухаживать и ждать, когда все закончится. Такие простые слова, обыденные. И такие страшные.

Мы долго не могли смириться, нам казалось, что этого просто не может быть. Ну как же так? Чем мы провинились перед небесами, что нас так наказывают? Мы бежали по врачам, платили сумасшедшие деньги за многочисленные консультации у именитых профессоров, мы выучили наизусть все, что написано об этой группе заболеваний в доступных нам источниках. Потом засветился лучик надежды: поскольку заболевание редкое, к Ванечке проявили интерес в одной клинике, где проводили научные исследования лейкоцисторфии. Нам дали понять, что, возможно, новые экспериментальные методы лечения... Мы с женой приободрились. К нам и Ванечке доктора были очень внимательны, сына исследовали постоянно и полностью, а нам задавали множество вопросов, брали всякие анализы. В общем, работа велась ежедневно, Ваню даже положили в клинику, и в какой-то момент нам показалось, что он стал живее, сильнее. Мы жили этой надеждой.

Но чуда не произошло. Никаких экспериментальных методов лечения не придумали, а Ваня был нужен просто как объект научных исследований для чьей-то диссертации. Ты сама знаешь, как это бывает: заболевание редкое, поэтому каждый больной на вес золота. Не в том смысле, что нужно обязательно спасти его, а как источник полезной информации, которая когда-нибудь потом, в очень далеком будущем, поможет лечить других людей, а в обозримое время даст возможность кому-то обзавестись ученой степенью и опубликовать несколько статей.

Ванечку отдали домой, и о нас все забыли. Большие никто не звонил, не интересовался самочувствием мальчика, не давал советов и не предлагал помощь. Мы остались один на один со своей бедой. Ваню нельзя было оставлять одного ни на минуту, он нуждался в постоянном уходе и присмотре. Жена ушла с работы и сидела дома, безотлучно находясь рядом с больным ребенком. Она изо всех сил старалась обеспечить нашему сыну самый лучший уход, ведь врачи сказали, что если ухаживать максимально старательно и делать все необходимое, то ребенок может дожить до 6–7 лет. Ты сама медицинский работник и знаешь, что такое «пре-

красный уход». Это не только силы, как физические, так и душевные, не только внимание, терпение, тщательность и доброта. Это еще и деньги.

Только не подумай, что я пытаюсь оправдываться. Я был как все, ну, или, по крайней мере, как большинство полицейских. У меня умирал ребенок, я должен был содержать семью, и мне было плевать с высокой колокольни на беды и горести других людей, жертв преступлений. Я зарабатывал деньги. Я хотел, чтобы мой сын прожил как можно дольше. И если для этого нужно покупать самые лучшие и самые чистые продукты, самые дорогие препараты и приспособления, то я заработаю столько денег, сколько нужно. Обеспечу «посадку» того, за кого хорошо заплатили. Закрою глаза на очевидное преступление, если получу за это конверт. Стыдно ли мне за это сейчас? Нет.

Ванечка умер, не дожив до пяти лет...»

Когда за дверью послышались шаги, Инга мгновенно засунула молескиновый блокнот под подушку и схватила раскрытую книгу. Даже выражение лица сделала соответствующее: сонное и скучающее. О Выходцеве Артем знал только то, чем она сочла нужным поделиться: частный пациент, умирал от рака, Инга приходила к нему ставить капельницы. Такой же больной, как и другие, обычная подработка в свободное время. Просто очень хороший человек и очень одинокий, за его могилкой некому ухаживать, вот она и ездит на кладбище, из чисто человеческого сочувствия. Умолчать полностью она не могла, потому что Артем ведь спросил, откуда она знает Гарика. Можно было бы и соврать, мол, навещала могилу родственницы или подруги, но с Артемом и его паранойей шутить нельзя. У него есть склонность перепроверять. Поэтому она сказала правду. Но не всю.

– Машинка пищит, – сообщил Артем, войдя в спальню.

– Уже бегу!

Как быстро время пролетело... Инге казалось, что она поставила стирку буквально минут пятнадцать назад, а уже и постиралось, и прополоскалось, и отжалось, и высушилось. Она захлопнула книгу и помчалась в ванную.

Аппаратные игры

- Кого поставишь?
- Я что, отчитаться перед тобой должен?
- Просто интересуюсь. Сам понимаешь, дело каверзное.
- Да перестань! Что в них каверзного, в этих двух убийствах? Мы что, маньяков не видали? Не ловили их никогда? Давай, наливай, скажу Вене, чтобы парку поддал, еще по одной – и на второй заход.
- В деле серьезные люди заинтересованы. Нужен человек умный и хорошо управляемый. Ты меня понял?
- За министра радеешь, что ли? Не жмись, никто его до поры до времени не тронет, успеешь хвосты подобрать. А вообще, заканчивал бы ты свои дела крутить с МВД, ненадежные это партнеры.
- Можно подумать, вы надежнее... Но мы и с вами вопросы решаем. Так ты меня услышал?
- Не глухой...

Сташис

В тот вечер, когда гуляла скромная свадьба Ромчика и Дуняши, Антон разбирался с информацией об обнаружении второго «трупа с запиской» и ездил на место происшествия, чтобы самому осмотреться и получить представление. Спецсообщение, как водится, потерялось где-то в бюрократических недрах, и известие о новом убийстве дошло до зарубинского отдела только к концу дня.

Записка на этот раз была чуть менее лаконичной, преступник расщедрился аж на две фразы: «Моему Учителю. Вторая попытка». Хотелось бы знать, сколько еще подобных попыток запланировал убийца.

Во всем остальном ситуация была весьма схожей с первым случаем: убийство совершено в темное время суток, когда на улицах нет людей. И никакого оружия не применялось, все сделано голыми руками. Жертва – молодая женщина двадцати девяти лет, неработающая. В анамнезе судимость, два с половиной года лишения свободы за грубое нарушение Правил дорожного движения, повлекшее гибель другого участника движения. Стало понятно, что в первом убийстве речь о межличностном конфликте не идет, никто с потерпевшим Чекчуриным не ссорился и записка – настоящее послание, а не хитрый способ запутать следы.

– Хорошо, что хотя бы половину ваших версий можно выбросить на помойку, – пробурчал Зарубин. – Хотя ничего хорошего, конечно. Оставшиеся версии совсем хреновые. Надо сосредоточиться на близком окружении тех, кто пострадал в ДТП, за которые были осуждены наши двое убитых. Большого уже отымали наверху по полной, дали строгое указание, чтобы про записки нигде не просочилось ни капли. Так что вы уж, братцы, постарайтесь, ладно? Следите за каждым словом. Группу вам усиливают, добавляют еще двух человек из Восточного. Сташис по-прежнему за старшего. И следака меняют.

Первое убийство произошло в Юго-Западном округе, второе – в Восточном. Обе жертвы когда-то нарушили правила движения, в результате чего случились трагедии. Обе были признаны виновными и привлечены к ответственности, на суде все ограничилось либо небольшим, либо условным сроком, хотя и с выплатой огромной денежной компенсации семьям пострадавших. Вообще-то слово «хотя» здесь не вполне уместно: не будь готовности подсудимых выплатить компенсацию, фиг бы они получили такое скромное наказание, Чекчурин отправился бы зону топтать как миленький, а вторая жертва, дама по фамилии Майстренко, не вышла бы на свободу условно-досрочно, отбыв в колонии десять месяцев. Но почему убийца выбрал именно этих двоих? Разве мало в Москве людей с аналогичным прошлым?

– У нас два варианта, – сказал Дзюба. – Один более или менее подъемный и один совсем плохой. У подъемного тоже две разновидности.

Антон хмуро посмотрел на него:

– Опять твой двоичный метод?

– Не мой, а Каменской. Но он же работает! Тоха, так ведь и в самом деле проще думать.

– Ладно, думай. Только вслух.

В общем и целом, получалось не очень обнадеживающе. Первая разновидность «подъемного», по Ромкиному мнению, варианта состояла в том, что преступник мстил «за своих», то есть за тех жертв дорожно-транспортных происшествий, которых знал лично. Для отработки этой версии следовало тщательно изучать все окружение пострадавших и искать точки пересечения. В одной из этих точек найдется и мститель. Трудность, однако, состояла в том, что одно ДТП произошло в 2013 году, другое – в 2015-м. И если девушка, которая по милости первого убитого, Чекчурина, оказалась прикованной к инвалидному креслу, возможно, сможет вспомнить и подробно перечислить, с кем она в те годы общалась и где бывала, то погибший в аварии мужчина уже ничего сам не расскажет, а члены его семьи, друзья и коллеги – источ-

ник не особо надежный. И знают они, как правило, далеко не все, и времени прошло изрядно, многое забылось или исказилось в воспоминаниях.

Вторая вариация «подъемной» версии выглядела чуть более оптимистично, но тоже не ахти: убийца лично знаком не с жертвами ДТП, а с их виновниками, счел, что назначенное судом наказание недостаточно или несправедливо, и взял правосудие в собственные руки. Здесь принцип поиска тот же, только отрабатываться будет окружение и образ жизни не тех, кто пострадал в аварии несколько лет назад, а тех, кто убит сейчас, а это, само собой, намного проще.

– Сотрудник ГИБДД, например, – предположил Сташис.

– Именно! Человек, работающий в ГИБДД, имеет доступ к сведениям обо всех участниках ДТП. Или работник суда, знающий подробности слушания и суть приговора, да тот же секретарь судебного заседания.

– Или медик, проводивший экспертизу виновного в ДТП, – подхватил Антон. – Например, на него надавили, чтобы он в заключении по крови не показывал наличие алкоголя, может, заставили, запугали. Или заплатили, он тогда деньги взял, а потом раскаялся. Ладно, с этой частью плана более или менее понятно, пойдем дальше.

Он что-то кратко записал на лежащем перед ним листке.

«Неподъемный» вариант Дзюбы производил впечатление поистине устрашающее: убийства бывших виновников ДТП совершаются по чисто идеологическим мотивам и с личностями жертв никак не связаны.

– Только вот как его искать – я не соображу, – признался Роман. – Иголка в стоге сена. Если эту версию озвучить руководству, они начнут подключать наших борцов с террористами и экстремистами – в общем, тех, у кого есть и соответствующие базы, и методические наработки по выявлению группировок, сплотившихся на идеологической основе.

– Да уж, – грустно согласился Сташис, – борцов нам тут не надо, они сразу начнут смотреть свысока и свои порядки наводить. Старшие братья, не к ночи будь помянуты. Но от них увернуться вряд ли удастся, записка все портит, никак нам на мстителя-одиночку не выкатить. Раз есть какой-то Учитель и хотя бы один ученик-последователь, значит, по-любому их как минимум двое, а это уже группа.

– Засада... А новый следак? Ты его знаешь?

– Барибана-то? Нет, не сталкивался, но кое-что слышал, хотя и не уверен, что слухам можно доверять. Он в Следственном комитете типа священной коровы, ему все сходит с рук, трогать его не дают. Но кто за ним стоит – непонятно. Говорят разное. Одни считают, что он человек ФСБ, другие кивают на Администрацию президента, третьи выкопали где-то информацию о сыне Барибана, который носит другую фамилию и является теневым мультимиллиардером, благодаря чему сам Барибан просто всех купил. Еще, помнится, кто-то говорил, что работать с ним хорошо, если играть по его правилам, а правило у Барибана простое: нужно любить тех, кто ему нравится, а тех, кто не нравится, считать врагами, и тогда все будет в шоколаде.

– Засада, – уныло повторил капитан Дзюба.

* * *

Любому следователю и оперативнику прекрасно известна разница между преступлениями, которые нужно «как бы раскрыть», и преступлениями, которые действительно должны быть раскрыты. В работе по первой категории требуются сотрудники умные, опытные и управляемые – одним словом, такие, которые найдут то, что необходимо для результата, а на то, что мешает решению поставленной задачи, закроют глаза. Где надо – не увидят, не услышат, подделают, грязь подотрут, факты передернут. Работать по «как бы раскрытию» непросто, тут

нужны навыки, аккуратность, осторожность, определенная доля цинизма и беспринципности, а также, что очень важно, лояльность.

Если же преступление действительно хотят раскрыть, а виновного – вычислить и выловить, то с подбором сотрудников обычно бывает несколько легче. Такие факторы, как лояльность, беспринципность и аккуратность, решающей роли уже не играют, поэтому на дело можно ставить и демонстративно непокорных опытных стариков, отказывающихся выполнять приказы, и совсем молодых ребят, только-только прикрутивших на погоны лейтенантские звездочки. Они еще не успели обнюхать территорию, обжиться на ней, присоединиться к той или иной группе коллег и найти свою кормушку, и есть надежда, что хотя бы часть рабочего времени они потратят все-таки на раскрытие преступления, а не только на решение проблем, связанных с крышеванием и зарабатыванием денег. Да, опыта у них нет, и агентуры тоже нет, но голова и ноги-то на месте, а этими инструментами тоже можно кое-что добыть.

– Кузьмич, как думаешь, можно дареному коню в зубы посмотреть? – спросил Сташис, заглянув к Зарубину.

– Из чьей конюшни? – вяло поинтересовался временно исполняющий обязанности.

– Из Восточной. Из Юго-Западной парни уже четыре недели работают, результатов – ноль, но и косяков вроде нет. Окружение Чекчурина они отработали на совесть. Никаких оснований их менять. Мы с Дзюбой план написали, там столько всего...

– Ну и?

– Молодые и резвые нужны, неиспорченные, чтоб не только одно бабло перед глазами и не фантики от руководства. Кузьмич, я понимаю: дело на контроле в главке, и оттуда будут требовать, чтобы работали самые ушлые и опытные, тем более там семья Чекчурина давит на все кнопки, но вот ей же богу...

– Да понял я, понял, – Зарубин неожиданно улыбнулся. – Ты считаешь, что твоих мозгов вполне достаточно, а остальные пусть бегают рабочими лошадками, правильно?

– Неправильно, – сердито откликнулся Антон. – Мозги в первую очередь Ромкины, такой обширный план получился только благодаря его способности фантазировать. Ты сам посмотри. Такой план не стыдно на самом верху показывать. Но выполнять-то его кто будет, а, Кузьмич? Мы с Ромкой? Нас только двое. На ребят с Юго-Запада надежда, честно сказать, слабовата. Ну будь человеком, поговори с Восточным, пусть молодняк нам отрядят. Я в Восточном начинал, могу и сам позвонить кое-кому, но через твою голову не положено.

– Посиди, – скупое бросил Зарубин и придвинул к себе план, который Антон положил на стол.

Сташис присел в неудобное полукресло и приготовился терпеливо ждать. Но мысли о работе постоянно съезжали куда-то в сторону, освобождая место для тревоги за детей. Наверное, оттого, что в течение последних часов так много было рассуждений о дорожно-транспортных происшествиях, Антон не мог теперь сосредоточиться ни на чем, кроме страха за Василису и Степку. Вася каждый день гоняет на мотоцикле со своим Толиком, а Степка такой тихий, задумчивый, весь погруженный в себя, забывает посмотреть по сторонам, когда переходит дорогу... Перед глазами то и дело вставали страшные картины: вот Степка идет по улице, в ушах беспроводные наушники, в руке телефон, от которого парнишка не отрывает глаз, сын подходит к пешеходному переходу, делает шаг на мостовую, не взглянув налево и не слыша рева приближающегося на большой скорости автомобиля... Или Васька сидит на заднем сиденье мотоцикла, крепко обнимает своего бойфренда, что-то говорит ему в ухо, тот не слышит, чуть поворачивает голову, просит повторить, отвлекается и... Нет, нельзя о таком думать, и представлять такое тоже нельзя! Но как же страшно... Наверное, всем родителям страшно, двадцать четыре часа в сутки, и выхода никакого нет. Невозможно запереть детей дома и разрешать выходить только в сопровождении проверенных и сознательных взрослых. И вообще, дети – они же всегда дети, хоть им пять лет, хоть пятьдесят, и терять ребенка одинаково больно

и непереносимо вне зависимости от того, младенец он, подросток или взрослый. А взрослого дома не запрешь и охрану к нему не приставишь. Бытовые заботы и тяготы – сущая мелочь и вообще ничто по сравнению с тревогой, круглосуточно разъедающей родительское сердце на протяжении всей жизни, начиная с момента рождения ребенка и до самой смерти одного из них. Господи, какой кошмар все эти мысли! Одного из них. Кого? Спасибо, если родителя. А если нет? Только став одиноким отцом, Антон Сташис начал понимать свою маму. Однажды он встал ночью в туалет и увидел, что мама сидит на кухне и улыбается каким-то своим мыслям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.